Золотая лисица

Автор:
Ксения Вавилова

Золотая лисица

Ксения Анатольевна Вавилова

Дети не в ответе за грехи своих родителей. Когда кара настигает отца, мир Лисары рушится. Пропавших никто не ищет. Окружающие спешат забыть о случившемся. Расследование затягивается, не давая результатов. Отец учил не отступать и Лисара решает докопаться до правды самостоятельно. Не осознавая, что цена истины может оказаться слишком высокой.

Ксения Вавилова

Золотая лисица

Глава 1. Лисара Кайт

На ходу Лисара скользнула взглядом по зеркалу. Ряд бледных молодых людей в однообразной форме сливался с оштукатуренной стеной. Точно так же девушка с убранными волосами и в бесформенной одежде терялась среди коллег.

Долгожданное назначение выпало на последние дни перед отпуском. Расхаживая в белоснежном халате, она изо всех сил сдерживалась, чтобы не лопнуть от гордости. Путь мойщика колб и мензурок закончен, настало время скальпеля и микроскопа.

Под морг приспособили часть катакомб, расположенных под больницей. О том, как эти залы использовались прежде, можно только гадать. Кто-то, указывая на фрески и простор, считает, что это один из скрытых храмов. Когда Империя водрузила свои флаги над всем Западом, Старых Богов объявили еретическим течением. Главный и единым Богом объявили Создателя, или Спасителя, как его называли фанатики, ждущие конца света. Старые храмы разрушили, а писания сожгли. После столетий активного уничтожения странно видеть столь хорошо сохранившийся золотой лик Асхи – матери-создательницы – и ее дочери Луны, уводящей души за серебряный туман.

Коллеги в честь назначения накрыли стол, заказали большой пирог из пекарни, и весь обед они травили байки. Сидя во главе стола, Лисара украдкой поглаживала белоснежный халат и никак не могла согнать улыбку с лица.

Не этого она хотела, когда выбирала медицинское направление, когда ночевала в библиотеке, корпя над книгами. После двух лет хирургической практики все, что смогла предоставить администрация больницы, – гинекологическое отделение. Вдвойне обиднее, что она прошла весь этот путь вместе с двоюродным братом Николасом, ни на шаг не отставая, но для него место в хирургии нашлось.

Теперь, сидя среди судмедэкспертов и работников лаборатории, она мысленно готовилась к новой битве. Не позволить этим бородатым циничным профессионалам задвинуть ее в лабораторию к теткам, обсуждать, когда она наконец выйдет замуж и начнет рожать.

День прошел спокойно, чуть омрачившись необходимостью выкрасть несколько ампул. Не самая лучшая идея сразу после назначения. Чем выше магистр карабкается по карьерной лестнице, тем строже спрос, тем больнее будет падать. Студента за такое в худшем случае отправят на кухню чистить картошку, практиканта заставят заплатить штраф, а вот магистра могут и в суд потащить.

Вечером у ворот больницы ее встретил Ник. Из-за роста и худобы вся одежда сидела на нем как-то странно, словно на швабре, несмотря на все его усилия одеваться модно и со вкусом. Светлые короткие волосы, едва отрастающие после пожара, что слизал заодно и брови, также не добавляли ему привлекательности. Кто бы мог подумать, что завидный жених всего за пару лет

превратится в пугало, в пальто на два размера больше.

– С назначением!

Обняв двоюродного брата, Лисара произнесла все соответствующие моменту фразы. Назначение он получил еще полгода назад и по привычке попытался раздуть из этого события праздник мирового масштаба. Пытаясь споить всех, до кого дотянется, он растратил все премиальные деньги, еще и в долги залез.

– Пойдешь на собрание?

Вместе с новой формой, обязанностями и зарплатой Лисара получила место в большом совете магистров. Через Магистрат проходили все важные вопросы и законы. Сегодня она может не только наблюдать, но и принимать участие в общих голосованиях. Есть еще несколько Малых Советов, что заботятся о более узких государственных вопросах. Один из таких – Совет Академии. Некогда отвечавший только за подготовку будущих магистров, теперь он заведует клинической больницей и пустил корни во все отрасли человеческой жизни.

Сидеть среди коллег с ворованным морфием в кармане – идея не слишком хорошая. Стоит придумать повод сбежать и поскорее избавиться от краденого, пока праздник не закончился арестом.

– У меня вечером поезд, а нужно еще Тиш отпросить. Не знаю, сколько времени это займет.

Покачав головой, Ник вызвался проводить ее до Академии.

Прохаживаясь по живописной аллее, они кивали знакомым. Академия возвела вокруг своих строений просторные сады с множеством тропинок и укромных уголков. Над всем этим возвышалась громада замка, самого старого строения во всей Кондоме. Возведенный еще лэртами на старом фундаменте горцев, замок множество раз разрушался и перестраивался во времена, когда прежние хозяева предпочитали решать вопросы кулаками. После восстания рабов эти земли заняли асы, с тех пор замок стал стратегической точкой на карте и близко врагов к себе не подпускал.

Из-за кустов сирени бодрой походкой вышел Руд и, заметив их, вскинул руку. Из старой компании в Кондоме в данный момент жили лишь они трое. Остальных задания Магистрата и Академии разметали по Западу.

В детстве Руд был низеньким полным мальчиком с бледно-рыжими волосами, с усыпанным веснушками лицом. Отстаивать свое право не быть грушей для битья пришлось кулаками, а там и взросление подоспело. Высоким он не стал, на полголовы ниже Лисары, но крепко сбитый, широкоплечий, с пудовыми кулаками.

– С назначением! – распахнул он медвежьи объятия.

– Спасибо, – сдавленно пискнула она, прижимая ампулы в кармане, чтобы случайным звоном не привлекли к себе внимания.

Его назначение оказалось тем редким случаем, когда Руд обскакал друга, что привык всегда и во всем быть первым. В тот год это едва не поставило под угрозу их дружбу. Лисаре с трудом удалось примирить друзей, напоминая брату, что для разных служб действуют разные условия.

– Твое первое заседание!

– Я не иду, – поспешно перебила его Лисара и, как бы извиняясь, улыбнулась, – скоро поезд.

– Жаль, конечно, – провел рукой по коротким рыжим волосам Руд. – Хотя, знаешь, там скука смертная, так что не расстраивайся, ты ничего не теряешь.

Народ подтягивался в зал заседания, и в толпе они все чаще встречали знакомые лица. Мистер Мэнсон, преподаватель этики, радушно улыбнувшись, поприветствовал бывших студентов. Остановившись, Лисара приняла очередную порцию поздравлений, чувствуя краденые ампулы через ткань. Старый преподаватель пожурил молодых людей, припоминая их ученические годы, и порадовался, что племянница Лисары, Тишина, не доставляет подобных хлопот.

– Самое время поискать дом побольше, – тихо произнес Ник. – Негоже магистру вроде тебя ютиться в подвале.

Пожав плечами, Лисара не пожелала вступать в спор. Подвал и сомнительные соседи, с точки зрения Ника, ее вполне устраивали.

На ступенях замка сидела девочка в форменном платье и накидке. Едва завидев друзей, Тишина подскочила на ноги и поспешила навстречу. Говорят, она точная копия бабушки по линии отца. Русоволосая, курносая, с яркими сине-зелеными глазами, она, словно лучик солнца, врывалась в помещение, озаряя его светом.

В строгой серой форме девочка выглядела еще более маленькой, чем есть. Вместо четырнадцати ей легко давали двенадцать, а то и десять лет, что злило Тишину. В русые волосы вплетена яркая желтая лента – единственное украшение, которое могут позволить себе студентки Академии.

– Давно ждешь?

– Не слишком, – отозвалась она, хватаясь за протянутую руку.

Из-под рукава выглянули бордовые бусины. Талисман на удачу, подаренный ей отцом в первый год обучения. Они доставались из коробки в редкие моменты, когда без удачи не обойтись. Лисара видела эти бусы крайне редко, но хорошо помнила, как они выглядят. Сама раньше их носила.

Друзья поприветствовали девочку и, пожелав удачи, отправились на собрание.

Коридоры замка опустели, занятия закончились, и студенты спешили отдать должное долгожданному солнцу. Тут и там попадались научные работники или магистры, увлеченные работой настолько, что едва замечали приход весны.

Войдя в прохладный холл административного корпуса, Лисара не удержала улыбки. Во время учебы попасть сюда – значит нарваться на неприятности. Даже теперь, спустя два года после окончания Академии, будучи полноправным магистром, девушка почувствовала, как по спине бегут мурашки, а ладони потеют. Хотя никто не вправе остановить ее и проверить карманы или сумку.

Глянув в зеркало, она поправила воротник и пожалела, что не надела корсет. Потом вспомнила, что больше за это ругать никто не станет, и, поправив шляпку, ободряюще улыбнулась племяннице. Та стояла как в воду опущенная, вяло

расправляя кружевной воротник.

– Выше нос, нам пока не отказали, – ободрила ее Лисара.

– Она всегда отказывает. Так к чему это?

– Я теперь магистр, отмахнуться от меня теперь не так просто.

В приемной ректора уже находились люди. Степенная дама в богато расшитом платье сидела в центре софы, окруженная отпрысками. Рядом на краю пристроились взъерошенный подросток и девочка немногим младше Тишины. На обоих форма Академии. Судя по унылому виду подростка, кому-то сегодня достанется. Девочка беспрестанно крутилась на месте, разглядывая джентльмена, сидящего у противоположной стены.

Семейство полностью занимало диван, потому пришлось подойти к джентльмену и кашлянуть. Погруженный в свои мысли, он сидел по центру софы, глядя на набалдашник трости. Услышав покашливания, он встрепенулся и, извинившись, отодвинулся.

Усадив Тишину по центру, Лисара, опустившись на подушки, оказалась перед хмурой женщиной. Та едва удостоила их вниманием, продолжая испепелять взглядом соронца, что задумчиво постукивал тростью по каменному полу.

Кондома – многонациональный город. Никого не удивишь тут ни фридами, что, пренебрегая мощеными дорогами, передвигаются по помостам меж домов, ни пиросами, что вынуждены заказывать шапки особого кроя, чтобы помещались рога. А уж смуглый мужчина и вовсе терялся на фоне других, более экзотических, жителей города. Цвет кожи даже темнее, чем у южан, глаза черны настолько, что не видно зрачков, нос с горбинкой, скулы острые – как бы не порезаться.

Повернувшись снова к женщине, Лисара улыбнулась и подмигнула ерничающей девочке. Наверное, будь у мужчины хвост или уши не на том месте, он привлек бы меньше внимания.

Соронец. Официально Кондома с Сороном не воевала. Неофициально даже торговала. Но всякий раз, когда о них заходил разговор, каждый порядочный и просвещенный человек должен был высказаться о дурных наклонностях соседей, держащих в рабстве себе подобных.

Дверь открылась, секретарь вызвал женщину с детьми. Парень, повесив нос, вошел последним.

– У кого-то неприятности, – наблюдая за ними, заметила Тишина.

– А тебя сюда неприятности еще не приводили?

– Нет, с тех пор, как вы выпустились.

Они обменялись улыбками. Тишина застала два последних года обучения их банды в Академии и непреднамеренно оказалась втянута в часть авантюр разной степени сомнительности. Что поделать, если девчонки выросли и больше не пролезают в форточку учительской.

– Но я скучаю по тем временам.

– Я тоже, – приобняв племянницу, поделилась Лисара. – Только Нику не говори, он начнет ворчать.

За стеной словно плотину прорвало. Крик и ругань прорвались через две стены и коридор. Все вздрогнули и посмотрели на дверь.

– Как вас не отчислили за все, что вы творили? – слушая, как гром и молнии сотрясают старинные стены, спросила Тишина, машинально проверяя, расправлен ли воротник, не выбились ли волосы.

– Мы никогда не попадались, а если и попадались, то вину брал на себя тот, кому точно ничего не будет.

– Помню, Зара пытались отчислить.

– Едва ли не каждый семестр, – засмеялась Лисара. – Но после того, как мы подтянули его оценки, сделать это стало сложно. Думаю, когда он наконец выпустился, они устроили праздник, а после всей толпой уехали на юг лечить нервы.

В приемную вошел долговязый подросток на год-два старше Тишины. Красно-коричневая кожа, сине-черные кучерявые волосы и черные без зрачков глаза тут же выдали его родство с джентльменом, сидевшим рядом. Они обменялись хмурыми взглядами.

– Пожар. Серьезно? – джентльмен приподнял трость и разжал пальцы, наконечник гулко ударился о мраморный пол.

Несмотря на его спокойный, ровный голос, Лисара машинально приобняла племянницу, притягивая к себе.

– Это не я! – задиристо вскинул подбородок тот.

«Мидас Арусис», – припомнила Лисара. Соронцев среди студентов Академии не так уж и много. Всего один.

– Простите. Речь идет о пожаре в демонстрационных залах? – вмешалась Лисара.

Арусис нахмурился.

– Урок вел высокий такой, светловолосый преподаватель, – чуть помедлив, добавила: – Жутко заносчивый, с непомерным эго.

Черты лица подростка смягчились. Бросив взгляд на джентльмена, он осторожно кивнул.

– О! Позвольте пожать вашу мужественную руку! – пружинисто поднявшись, она потрясла потную ладонь. – Простите, не поймите меня неправильно, мистер Фиар – мой большой друг. В свое время на его совести было целых четыре пожара. Так что не переживайте.

– И чем он сейчас занимается? – поинтересовался мужчина.

– Практикующий хирург, – живо отозвалась она, – подающий надежды, и все такое.

– И вы рады, что ваш друг едва не сгорел?

– Лишился части шевелюры и бровей. Ничего серьезного, – легко отмахнулась Лисара. – Зато впредь будет меньше задирать нос. Он отчего-то решил, что труд профессоров легок и этим можно заниматься вполсилы.

Дверь открылась, семейство, пыхтя и краснея, вышло в приемную, не переставая недовольно бурчать. Подросток шел, повесив голову и не отрывая взгляда от пола. Девочка устало окинула взглядом присутствующих. Лисара понимающе ей улыбнулась. Та вздохнула и потрусила за матерью.

– Проходите вперед, – предложил джентльмен легким кивком. – Мы никуда не торопимся.

– Благодарю, – Лисара потянула руку племяннице и подмигнула Арусису, шепнув: – Держитесь.

В кабинет ректора она входила не без трепета. За прошедшие годы помещение перестроили, расширили, сменили обои на деревянные панели, поставили больше книжных полок и шкафов. В центре комнаты разместили огромный стол с закругленными львиными лапами ножек и позолоченным узором вдоль столешницы.

«Возраст берет свое», – подумала девушка, глядя на это безобразие.

Определить возраст миссис Далтон не представлялось возможным. Хорошие тридцать с хвостиком. Вот только на этом посту она уже чуть больше тридцати лет. Как именно ректор сохраняет молодость – сказать трудно. Загадка, заслуживающая отдельного расследования.

Перед столом установили два низких кресла, раньше посетителям приходилось стоять. Сразу вспомнился пожар в ботаническом саду, которой произошел не по их вине, но из-за того, что Зар в тот день прошел мимо здания, где это случилось, виноватой объявили их компанию. Именно ректор Далтон настояла на

расследовании и опросе свидетелей. Остальные профессора и слышать ничего не хотели, уже мысленно выдворив Зара за пределы Академии.

Устроившись в кресле, Лисара постаралась внушить себе немного храбрости. Предложение джентльмена пройти вперед уже не казалось ей такой уж хорошей идеей. Далтон сидела прямо, словно палку проглотив, и смотрела, зло сощурив глаза. Тонкие до костлявости пальцы с длинными ногтями сцеплены в замок.

«Это она еще не знает о краже», – подумала девушка и тут же отогнала эту мысль подальше, опасаясь, что страх проявится на лице.

– Мы не займем много времени, – быстро заговорила Лисара, напоминая себе, что она больше не студентка и бояться этой женщины не должна. – Я помню, что Тишину хотят отправить в санаторий на каникулы по состоянию здоровья. Но я считаю допустимым отпустить ее повидаться с родственниками. Под мою ответственность, конечно же. Ее моральному и физическому здоровью пойдут на пользу родительские любовь и забота.

Миссис Далтон громко выдохнула, переместилась вперед, уткнувшись острыми локтями в обитую багровым сукном столешницу. На случай, если она решит ударить по больному и скажет, что Лисара не может нести такую ответственность, так как не врач, девушка стиснула ткань юбки. К этому разговору она готовилась не один день и не растеряется, не отступит.

– Хорошо, – устало вздохнула ректор, прикрывая глаза. – У вас есть неделя, и вы будете пристально наблюдать за состоянием девочки.

– Разумеется, – настороженно откликнулась Лисара, ожидая подвоха, но миссис Далтон, откинувшись на спинку стула, махнула рукой, отпуская их.

Все еще не веря в происходящее, Лисара поднялась и вывела племянницу из кабинета.

– Поверить не могу. Она разрешила? – переспросила Тишина.

– Далтон отпустила тебя на каникулы, я выиграла спор. Может, сыграем в лотерею? Нам сегодня определенно везет!

«Теперь можно не просто купить балетные туфли, а заказать у хорошего мастера идеальные пуанты. Будет подарок Тишине на день рождения», – подумала Лисара с улыбкой, приобнимая племянницу за плечи.

В конце коридора, в приемной, расхаживал туда-сюда Арусис.

– Не хочу я сидеть здесь еще четыре года! – всплеснул руками парень.

– А что ты хочешь? – спокойно отвечал ему мужчина. – Вернуться домой и плевать в потолок, пока кто-то из старших братьев не выгонит тебя на мороз?

– В Сороне не бывает морозов.

– Зато очень сложно заработать деньги, особенно когда ничего не умеешь.

– Тебе-то откуда знать? – скрестив руки на груди, выплюнул Арусис. – Ты там уже тысячу лет не был.

В этот момент девушки вышли в приемную, и джентльмен жестом оборвал родственника.

– Она устала и не хотела ссориться. Будете осторожны – выберетесь отсюда живыми, – проходя мимо, сказала Лисара. – Удачи.

– Благодарю, – с серьезным видом кивнул мужчина, поднимаясь.

Глава 2. Лисара Кайт

Поезд уносил Лисару с племянницей на север. За несколько часов до отъезда она успела побывать в пяти домах, осмотреть и проконсультировать с десяток человек, сделать несколько перевязок, проверить швы и даже вытащить занозу.

Если Магистрат узнает, чем она занимается, и даст толчок расследованию, Лисара рискует потерять работу и положение. Оказание медицинской помощи без лицензии не такой уж страшный проступок, но настоящие врачи, теряющие клиентов из-за нее, могут потребовать крови.

Ночь в поезде прошла спокойно. Низкие лиственные деревья теснили хвойные великаны, и чем дальше уходил поезд, тем больше их становилось. Лес вытягивался, разрастался, становился гуще. За окном все реже мелькали светлые пятна вокзалов.

Тишина спала на верхней полке, к Лисаре сон никак не шел. Жизнь сделала скачок вверх. Можно сменить крохотную квартиру в подвале на что-то более презентабельное, но жить там в одиночку не хотелось. Даже самый большой и шикарный дом превращается в сырую темную клетушку, когда остаешься в одиночестве.

Мысль о переезде поселилась в ее голове уже давно. Но, если она переберется в Серебряный район, будет жить на респектабельной улице в коттедже дореволюционной постройки, все те, кто зависит от ее навыков, останутся без помощи. Прачки, беспризорники, мелкие ремесленники – все, у кого нет денег на хорошего врача.

Глядя в окно, девушка представляла суд, на котором схлестнутся учение Академии и политика. Благо людей против финансового благополучия отдельных граждан. Академия оказывала бесплатную помощь всем желающим, ректор Далтон цеплялась за старые клятвы, выступая сердцем Магистрата. Если дело дойдет до суда, она поддержит Лисару. Академия не оставляет в беде своих студентов, даже бывших.

За полчаса до прибытия в купе заглянул проводник. Пока Тишина умывалась и переодевалась, Лисара убрала вещи и освежилась перед зеркалом. Светало.

Утро выдалось зябким и сырым, вокзальную площадь заволокло туманом. Народ толкался, цепляясь друг за друга сумками. Отступив в сторону и крепко держа племянницу за руку, Лисара дождалась, когда толпа поредеет. На столб с часами приземлилась ворона. Громко каркнула, вынуждая поднять голову и обратить на нее внимание. Тут же из тумана навстречу вынырнул Зар.

В черном развевающемся плаще он и сам походил на птицу. Едва Лисара успела сделать шаг навстречу, как была заключена в крепкие объятия.

Зар приходился Нику сводным братом по отцу. Едва ли есть день или хотя бы час, когда они не пытались уязвить друг друга. Любой пустяковый конфликт легко доходил до драки. Дружба с Лисарой заставила их отказаться от скрытых столкновений, перейдя к тактике холодной войны. Еще неизвестно, что хуже.

Словно из чувства противоречия он являл собой диаметральную противоположность брату. Сине-черные кучерявые волосы отросли до подбородка. Он порой забывал бриться и одевался небрежно. Как верно заметила Айналис: подлецу все к лицу. Несмотря на неопрятный внешний вид и равнодушие, с каким он подходил к работе и Магистрату, Зар оставался одним из самых обаятельных и успешных друзей Лисары.

Зар высок, но не долговяз, как брат. Широкоплеч, но не массивен, как Руд. Умен, но не заносчив и не честолюбив, в отличие от окружения. Образ дополняют открытая мальчишеская улыбка и темно-синие глаза, в глубинах которых пляшут демоны.

Зар с Тишиной стукнулись кулаками. Взяв их сумки, он втиснулся между путешественницами, предложив позавтракать.

Кафе очень хотело выглядеть милым ресторанчиком, словно его перенесли сюда из южного городка. Но фабричные трубы, сырой и пронзительный ветер с моря и менталитет местных жителей этому мешали. Позволив девочке самостоятельно выбирать место и блюдо, Лисара высказала сомнения из-за сквозняков и сомнительной вокзальной кухни. Он улыбнулся:

– Ты ее излишне опекаешь. Не укор, замечание.

– Как иначе, с ее-то слабым здоровьем? – устраиваясь на жестком стуле, откликнулась Лисара, салфеткой протирая стол.

Она предпочла бы добраться до квартиры друга и там что-нибудь приготовить. Даже учитывая свинарник, который обычно царил в комнате Зара, это все равно безопаснее, чем есть в привокзальной забегаловке.

– Пф, только не говори, что веришь в этот бред, – фыркнул он, наблюдая, как девочка покачивается с носка на пятку у прилавка, разглядывая пирожные, румяная, с сияющими глазами и по-детски круглыми щеками.

Если все вокруг твердят, что синий – это зеленый, рано или поздно начинаешь им верить. Так и Тишине все твердят, что она больна, не может долго находиться на свежем воздухе, есть все подряд и проводить время так, как хочется. «Не переутомляйтесь!» – настаивают врачи. Увы, Лисара не обладала ни нужной квалификацией, ни опытом, чтобы ее сомнения и доводы были услышаны. Хотя теперь она магистр, осталось лет за десять-двадцать заработать влияние в медицинской среде, и, быть может, тогда кто-то обратит на нее внимание.

– Ты так трепетно относишься к этому не из-за псевдоболезни Тиш, а из-за Ниобы, – расстилая салфетку на коленях, сказал он.

– Решил перещеголять Ника в занудности? – сощурила она глаза, решая, ткнуть его вилкой или словом, – выбрала последнее. – Что ж, давай поговорим. Как там Ниоба?

– Ну-ну, зачем так сразу, – откидываясь на спинку стула и выставляя открытые ладони, засмеялся он.

– Ты не жаль меня, я не буду жалить тебя.

О Ниобе старались не говорить и при этом не могли не говорить. Когда Ник на выпускном раскрыл ее секрет, это разбило пару сердец и в то же время многое объяснило в ее поведении. Приятно видеть, что Зар научился вспоминать о ней с улыбкой.

Вернулась Тишина с полной тарелкой сладостей.

– Балетмейстеру ни слова, – заговорщически подмигнул Зар.

– Тсс! – прижала палец к губам девочка.

Зар тоже получил статус магистра, но на полгода раньше Ника, что взбесило последнего. Никакого интереса к делам Магистрата Зар не проявлял. Напротив, старался держаться подальше. За все потраченные нервы Совет Академии отправил его так далеко, как только смог. Расследовать возникновение проклятых мест и по возможности устранять их. На счастье Зара, заниматься этим было довольно увлекательно.

– В восьми случаях из десяти проклятье рождается из смерти насильственного характера. Если покойный был магистром, то тут и думать не нужно, проклятье будет, – сказал он.

Лисара покосилась на племянницу: стоит ли обсуждать подобное в ее присутствии. Зар этот взгляд заметил и сгримасничал.

– Около пяти процентов приходится на большое скопление людей, когда все разом из-за чьей-то злой воли. Остаток – незаконченные дела.

– Поэтому магистров после смерти сжигают? – вмешалась Тишина и, поймав удивленный взгляд тетки, пожала плечами. – А что? Крематорий недалеко, он всегда так воняет, когда привозят магистра.

Позавтракав, они отправились за город, к большой ярмарочной поляне.

– Тиш, смотри: ярмарка, – порывшись в карманах, Зар достал несколько смятых купюр, из которых посыпались мелкие монеты. – Развлекайся.

Тишина бросила вопрошающий взгляд на тетку, та скрепя сердце кивнула.

– Ей четырнадцать, а не четыре, – проговорил Зар, уводя подругу в сторону, давая племяннице простор. – Мы в ее возрасте…

– Давай не будем, – оборвала его Лисара, вспомнив, как Руд сломал ногу, упав с башни. Ник отправился на кухню на пару дней, когда их поймали, Зара заперли в карцере и только их, девочек, пожалели. – В четырнадцать мы творили столько всякой ерунды, что разом и не вспомнишь.

Засмеявшись, Зар потащил ее к палаткам с едой.

– А если серьезно, ты не знаешь, когда Ниоба возвращается? У нее скоро начинается курс.

Подняв голову к небу, он некоторое время наблюдал за птицами, прежде чем ответить. Девушка в этот момент выбирала сладости в лотке, пытаясь найти что-то почище и посвежее.

– Они уже перешли плато, дня через два спустятся к морю. Там в деревне отмоются, отъедятся и поедут в город на поезд. Скорее всего, так же, как и ты – на ночной.

– Хотелось бы повидаться, – вздохнула девушка.

Взгромоздившись на трибуну, Лисара разложила принесенные пряники.

– У вас будет целый год, пока Ниоба читает курс, – отозвался он негромко, присаживаясь рядом.

– Думаешь, она продержится целый год? Как только врачи начнут досаждать ей, а они начнут, Ниоба сорвется с места и улетит демон знает куда с первым попутным ветром.

Смех вышел каким-то грустным, и Зар поспешил сделать вид, что увлечен выпечкой. Забравшись повыше, Лисара попыталась отыскать Тишину в толпе. Ярко-желтый бант на голове и канареечная накидка делали ее солнечным пятном даже на фоне разряженной толпы, что наводнила ярмарку. Крупная черная птица пролетела над толпой и уселась на столб, рядом с которым у лотка стояла Тиш. Взгляд зацепился за знакомый котелок. Мистер Мэнсон?

– Вы встречались? – не глядя на друга, спросила Лисара. – Когда она спускалась с гор?

Некоторое время Зар молчал. Темно-синие глаза затуманились, он неосознанно притопывал в такт навязчивому мотиву, что затянули уличные музыканты.

– Несколько раз я пытался с ней встретиться, но она ускользала. Потом, возвращаясь в город, узнавал, что она искала моего общества, но ехать за ней

уже поздно, она далеко в горах, – где-то в стороне закаркали вороны, и Зар обернулся. – Твои подъезжают.

Вмиг поднявшись, Лисара обернулась и вскинула руку. Всадники помахали ей в ответ.

Кайты – большое семейство. До революции и отделения Кондомы от Империи сложно было найти семью на Севере, которая не была бы связана с ними родственными узами. После признаться в подобном родстве было подобно социальному самоубийству.

Кверги, узнав ее, издали звук, схожий с ржанием, только жуткий, как из бочки. Папа – единственный на Западе, кто приручил и начал разводить карестовских или северных квергов. Боевые единороги – как шутливо называла их Ниоба – высокие и крепкие, похожие на тяжеловозов, покрытые толстой длинной шерстью, под которой прятались костяные пластины, закрывающие грудь и бока. На носу росли от двух до трех рогов, которыми они опрокидывали врагов, чтобы позже разодрать когтями.

Все детство Лисара выхаживала жеребят, кверги плохо размножаются в неволе, часто бросая свое потомство. Каждую из этих зубастых упрямых морд она знала и без страха потянула к ним руки – погладить бархатистые носы и почесать горячие уши.

Пока Лисара обнимала родителей, старший брат влился в ярмарочную толпу. Дарий – единственный из братьев, кто унаследовал светлые квешские волосы матери. Он вмиг отыскал дочь и, счастливо пищащую, поднял на руки, обнимая.

Глава семьи Александр Кайт – статный мужчина неопределенного возраста. Слишком молод, чтобы иметь внуков, но достаточно стар, чтобы в темных волосах появилась седина. За глаза насыщенного синего цвета мама как-то подарила зажим для галстука с содалитом, посчитав, что камень подчеркнет их оттенок.

Зара приняли с распростертыми объятиями и стали уговаривать поехать в гости. Мама переживала, что он похудел и жутко оброс в последнее время, намеренно забывая, что худоба и неряшливость – его отличительные черты. Во время учебной практики Зар попал на Север, к проклятому руднику, что теперь стал

озером. Беспокоясь за друга, Лисара написала домой, и папа нашел его группу в лесах. С тех пор Зар гостил у Кайтов едва ли не чаще самой Лисары. В этот раз, с сожалением сославшись на занятость, он отказался.

– Не знаю, что там будет через три-четыре дня, но, если получится, приезжайте с Ниобой в гости, – прощаясь, попросила Лисара.

– Может, мне еще заодно создать камень, который невозможно поднять, чтобы потом им жонглировать? – улыбнулся друг, когда они прощались. – Едва ли несколько часов наедине вернут нам дружбу.

– Именно они и вернут, – взбираясь в седло, откликнулась девушка. – К тому же вы мне должны.

– Я подумаю об этом.

Шумная, веселая колонна добралась от Квача до родного поселка часа за четыре, так и не растратив всех тем для разговоров и шуток. Дома их уже ждали:

Миранда – старшая сестра, прелестное создание, разбившая не одно сердце всего одним взглядом лучистых глаз.

Радим – самый непутевый из братьев. Пытался сделать карьеру во всех возможных областях – от литературы до армии, но пропивать и проигрывать деньги ему нравилось куда больше. Они с отцом вели перманентную войну за моральный облик семьи в обществе.

Кадим – хоть и приемный, но не менее значимый член семьи. Он приехал с женой и детьми, и в родительском доме стало не протолкнуться.

Лисара любила такие моменты, хоть и быстро уставала от толпы и скученности. Дети Дария и Кадима бесновались в доме и во дворе. Все хрупкое давно убрали подальше, а если не успели, дети снесли и разбили. Тишина некоторое время задирала носик, не желая играть с малышней, но быстро возглавила ватагу детей, научив новым играм.

За столом сидели до поздней ночи, все говорили и говорили.

Глава 3. Лисара Кайт

Несколько дней, пока вся семья в полном составе жила в старом доме, тут яблоку негде было упасть. Уединиться не удавалось даже среди агрессивных квергов, кто-то из детей непременно залезал на сеновал и интересовался, чем Лисара тут занимается.

Дарий с семьей вернулись домой на следующий день, но жили недалеко, и Тиш с братом часто наведывались в гости – поиграть с двоюродными братьями и сестрами, пока те не уехали. На днях супруга Дария родила, и родители часто навещали их, оставаясь на ночь при необходимости.

Кадим уехал через два дня. Его ферма раскинулась далеко на западе, в месте, где сходятся Северная гряда и Эйллирийские горы. Судя по разговорам на кухне, выращивание овощей и фруктов для городов Севера было не единственным способом заработка. Близость границы и пронырливость сделали Кадима идеальным посредником для разного рода контрабандистов.

Миссис Тишина Кайт сильно переживала по этому поводу и уговаривала Кадима оставить столь опасное ремесло. Кадим обещал бросить, а потом они с отцом долго что-то обсуждали, и через месяц дома появлялись ткани и камни из Кун-Квешу. Мама была рада получить гостинцы с родины, и на время разговоры о преступном ремесле утихали.

В тот вечер миссис Кайт уехала повидать супругу Дария. Теперь она проводила в доме сына много времени, и главенство на кухне легло на плечи Миранды. Мистер Кайт уехал на конезавод, как он выразился, на десять минут и отсутствовал второй час.

Едва проводив родителей, Радим, Миранда и Лисара устроились в беседке за домом попить чай, прежде чем каждый займется своими делами. Миранда – хоть и в домашнем платье, но золотисто-русые волосы уже собраны в прическу и

украшены жемчугом – потягивала чай крохотными глотками. Голубые глаза загадочно блестели, и, порой углубляясь в свои мысли, она не замечала, как на ее губах расцветает мечтательная улыбка.

– Слышал я, что в поселок приехал некий джентльмен, – как бы между прочим обронил Радим за завтраком.

Миранда бросила в сторону брата предупреждающий взгляд.

– Такой высокий и статный, – продолжал он, не замечая гневно сощуренных глаз сестры. – Иностранец, насколько я могу судить.

Лисара не вмешивалась. Выбирая из миски печенье, она делала вид, что разговоры родственников ее не касаются, хорошо зная, в какую сторону свернет Мира, пытаясь спастись от расспросов брата. Долго ждать не пришлось.

– Лис! Как дела на службе? – с преувеличенным интересом спросила Миранда. – Много у вас там симпатичных врачей?

– Много, – с готовностью откликнулась Лисара, выискивая печенье с орехами. – Все женаты и счастливы в браке. А что за иностранец? Он приехал к папе на конезавод?

– В прошлые разы – да, – слизывая мед с ложки, поделился Радим и бросил многозначительный взгляд на сестру.

– У кого-то здесь слишком длинный язык, – прошипела Мира и, забыв про чай, нервно перебирала янтарные бусы.

– Папа против? – спросила Лисара, поднимая глаза на сестру.

– Он не знает, – заговорщически шепнул Радим.

– Уверен?

Что-то ускользнуло от внимания родителей? Либо этот иностранец – призрак, либо Мира и Радим его выдумали. Мама чуяла всех ухажеров Лисары даже на

расстоянии нескольких сотен километров. Папа готов откусить голову каждому, кто как-то неправильно посмотрит на его дочерей. Возможно, оттого Миранда в свои двадцать четыре до сих пор томится в родительском доме.

– Пока не знает, – пожал плечами он.

– Папа будет не против, – в голос сестры прокралась неуверенность. – Они отлично ладят, а он богат и влиятелен.

– Это еще ни о чем не говорит, – покачал головой Радим.

Не так давно папа выставил за ворота Регулуса Каперса, одного из братьев Руда. Та семья тоже по-своему богата и влиятельна. Дедушка Руда получил баронство, заняв территории бывшего герцогства во времена революции и позволив Империи сохранить кусок Севера.

– Кстати, Лис, – заметив, как она поглядывает в сторону конюшен, начал Радим, – папа просил без него в лес не ходить.

– Я не одна, – рыжий пес, которого со стола подкармливала Миранда, активнее заработал хвостом, – поеду на Громе, он меня в обиду не даст.

– И все же не стоит. В лесу видели посторонних, они встали лагерем на старом пепелище. Сказали, что ненадолго.

Глядя на брата, Лисара с улыбкой покачала головой. Такой серьезный и ответственный! В детстве он был бы первым, кто рванул через лес посмотреть на чужаков. Его так однажды чуть цыгане не украли.

– Хорошо, не буду, – скармливая печеньку псу, пообещала Лисара.

Так как рядом не было ни Ниобы, ни Зара, некому было поспособствовать нарушению обещания. Вечер прошел спокойно.

Разбудил Лисару стук в окно. Не сразу поняв, что происходит, она отмахнулась от раздражающего звука, спрятавшись под одеялом. Стук повторился. По

подоконнику прыгала галка. Пока девушка выбиралась из постели, птица продолжала постукивать по раме, не позволяя забыть о себе.

Справившись со шпингалетом, Лисара распахнула окно. Комната наполнилась прохладным ночным воздухом и трескотней сверчков. Галка пролетела над плечом девушки и, сделав круг, опустилась на стол. Яркой голубой лентой к ее лапке была привязана записка:

«Группа Ниобы спустилась с гор. Дня через два жди гостей».

Вопреки внешней неряшливости, Зар обладал прекрасным, почти каллиграфическим почерком. Едва ли не единственный в их компании, чье письмо можно прочесть сразу, а не после расшифровки.

Прижав письмо к груди, Лисара улыбнулась. Галка, выполнив свою миссию, некоторое время лакомилась крошками от печенья и, убедившись, что ответ писать никто не планирует, улетела прочь. Последовав за ней к окну, Лисара с удивлением обнаружила крадущуюся по заднему двору сестру.

Из-под накидки выглядывало нарядное вечернее платье, оттого странно было наблюдать, как Миранда пробирается через крапиву за забором. Прическа раскисла, и перья уныло поникли. Перчатки она держала в руке, а веер болтался, пристегнутый к поясу. Высоко подобрав юбки, она осторожно перелезла через забор и, перебравшись на доски, лежащие между грядок, стараясь не стучать каблуками, пошла к дому.

Случайного наблюдателя Миранда не заметила, зато Лисара рассмотрела покосившийся лиф, словно наспех неправильно застегнутый, и размазанный макияж. При всем этом расстроенной сестра не выглядела. Напротив, счастливая улыбка не сходила с ее губ.

У окна ее спальни уже стоял стул. Взобравшись на него, она распахнула створки и закинула в комнату перчатки. Подобрав юбки, осторожно поставила ногу на спинку стула, удостоверилась в надежности и резко заскочила на подоконник. За стенкой послышался шум. В последний раз высунувшись в окно, Миранда подобрала стул и, затащив его в комнату, закрыла створки.

Радим не шутил относительно того неизвестного джентльмена, хотя виденное сегодня внушало некоторые опасения относительно его моральных устоев. Впрочем, Лисара не склонна осуждать неизвестных людей без весомой на то причины. Быть может, у них любовь, страсть и все такое.

Так и отправилась бы Лисара спать с головой, полной интересных мыслей о сестре и друзьях, если бы не зарница. До Академии она провела в этой комнате десять лет и привыкла видеть поднимающееся солнце чуть левее своего окна, что погружало дома напротив в глубокую тень, но не сегодня. Что-то высветлило верхушки деревьев и крыши. Чувствуя смутную тревогу от неправильности такого рассвета, она вышла из комнаты в коридор и на носочках прокралась в гостиную. У них не было ни чайной комнаты, ни столовой, только одна просторная комната, окна которой выходили на сад во дворе.

Раздвинув шторы, Лисара выглянула в окно. Соседские дома, которые нормальный рассвет должен был позолотить, кутались в тени, только печные трубы чуть блестели от сереющего за ними кусочка неба. Осознание пришло не сразу.

В военные годы Академия отказалась отпускать детей по домам, предпочитая укрыть за толстыми стенами замка, а в случае бомбежек – в залах катакомб. Имперские войска так и не дошли до города, что не помешало их шпионам поджечь новоявленную столицу с нескольких сторон. В памяти вмиг всплыли освещенные не с той стороны башни.

Лисара на мгновение замерла. В прошлый раз у них были четкие указания и, забравшись на башню, они принялись звонить в колокол. Благодаря высоте, они оказались одними из первых, кто заметил пожар. Не стоило и мечтать спасти деревянные постройки, зато они разбудили других звонарей, милиция успела начать эвакуацию людей.

Сейчас, еще не до конца доверяя себе, она бросилась в сторону спален и некоторое время не решалась постучать в комнату брата. Неуверенность и тревога боролись в душе девушки, но, не дожидаясь развязки, она толкнула дверь.

В комнате словно бомба с одеждой взорвалась. Оттянув шторы в сторону, девушка убедилась, что зарево растет, и растолкала брата.

– Пожар!

– Где?! – вмиг открыв глаза, он принялся озираться, резко садясь в кровати.

Лисара указала в сторону окна, краем сознания подмечая, что стоило бы распахнуть его и проветрить комнату.

Подскочив, он принялся одеваться, Лисара поспешила к себе. Костюм, в котором она объезжала квергов и ходила в лес, сейчас как никогда кстати. Девушка скрутила волосы в жгут, уже подвязывала их платком, когда нечто странное заставило ее замереть.

Вибрация. Слабая вибрация в воздухе обострила все чувства. Камень не пропускал вибрации от использования Таланта, оттого сотни потенциальных магистров могли существовать под одной крышей Академии, не мешая друг другу.

Каменный дом не пропускал стороннее воздействие, но, стоя у окна, Лисара уловила отзвук. Папа. Что-то случилось.

Быстро, не глядя, она затянула шнурки на ботинках и выбежала во двор. Новая волна вибрации была сильнее. Дыхание участилось. Кулаки сжались сами собой. Волосы на затылке встали дыбом.

Радим что-то ей крикнул и побежал к соседям. В армии его познакомили с азами и научили защищаться от чужого воздействия. Возможно, он тоже чувствовал вибрации.

Не дожидаясь, когда брат соберет народ, Лисара вывела кверга Грома из конюшни и, не седлая, забралась на него. Роговые наросты на спине спилены, и все же сидеть на этом звере без седла не самое удобное занятие. Вцепившись в длинную шерсть, Лисара дала команду, и через несколько секунд они уже неслись по полю.

Зарница становилась все больше. Дарий с семьей жили далеко от основных улиц. Брат хотел построить ферму и расчистил большой участок леса в стороне от конезавода, с которым намеревался сотрудничать.

Эхо чужой агрессии раззадорило кверга, он пронесся через поле, словно ветер, едва замечая кочки муравейников. Зато испугал лошадей, что разбегались от пожара. У деревьев несколько животных бились в исступлении, пытаясь порвать повод.

Гром, распахивая землю когтистыми лапами, взобрался на холм, и Лисара онемела от ужаса. Большой двухэтажный дом Дария пылал. От фундамента до крыши все в огне. Лопались окна, трещали балки. Прежде чем кверг успел сдвинуться с места, крыша с грохотом обвалилась, и дом сложился вовнутрь.

Из горла вырвался сдавленный крик, на который тут же среагировал Гром, припав к земле и ощетинившись. Спиленные роговые наросты больно ткнулись в бедра. Боль заставила прийти в себя и посмотреть на ситуацию чуть более трезвым взглядом.

Вокруг дома толпились люди. Большинство из них бросилось к лесу, должно быть, за лошадьми. Фигура в центре вскинула руки, и ближайшие несколько рядов словно подкосило. Несколько человек устояло, другие попадали, и через несколько секунд эхо волны добралось до Лисары. Вцепившись в гриву, она удержалась на месте.

Папа оборонял горящий дом. Худшее, что можно сделать, – это влезть под руку магистра. Талант требует сосредоточенности, концентрации. Поэтому, как бы ей ни хотелось спустить кверга на этих людей, Лисара удержала себя.

Всматриваясь в заросли, она пыталась понять, куда бегут эти люди. Быть может, удастся проследить за ними и выведать что-нибудь полезное.

Утихомирить нервно переминающегося с ноги на ногу кверга непросто. С болью в сердце она отвернула зверя от пожара, в последний раз бросая взгляд на далекую фигуру у горящего дома. Он не бежит и не нападает. Пусть папа и не учился в Академии, Совет несколько раз приглашал его принять титул магистра с полагающимися по этому поводу правами и обязанностями, но он всякий раз отказывался. В данной ситуации закон позволяет использовать Талант для самообороны, но он отчего-то медлит. Вздохнув, Лисара пустила Грома вниз по холму, подальше от зарева пожара, в темноту хвойного леса.

Подобраться близко на пыхтящем и рычащем звере не стоит и пытаться. Спешившись у леса, она отпустила Грома и, медленно ступая, углубилась в заросли. Папа считал, что умение ориентироваться и бесшумно перемещаться по лесу – жизненно необходимый навык даже для городского жителя. Всякий раз, как Лисара приезжала на каникулы, отец водил ее в лес. Учил ходить звериными тропами, заметать следы, находить места для ночлега и стрелять по мишеням. А также, нарушая целую кучу законов, рассказывал о своем взгляде на Талант.

Пробравшись мимо молодых осинок и скрывшись под пышными еловыми ветвями, Лисара оказалась в нескольких шагах от места, где нападающие привязали лошадей. На небольшой полянке суетились люди, кто-то пытался успокоить лошадей, другие перевязывали ожоги, бинтовали кровоточащие раны и собирали вещи. Лисара почувствовала досаду, когда, вглядываясь в лица, поняла, что едва ли кого-то сумеет запомнить, когда среди толпы мелькнула знакомая выправка.

Мужчина повернулся, и девушка едва не вскрикнула. Подполковник милиции, низкий, полный мужчина с крупными залысинами и одышкой, держась за бок, ругался сквозь стиснутые зубы, требуя подать ему коня. Лисара помнила, что в последний раз видела его, когда Руда награждали за помощь при задержании. Запоминать его фамилию она в тот раз поленилась, о чем теперь сильно сожалела.

Тут же к нему подоспел мистер Мэнсон. Без привычного костюма и очков, в опалинах и с рассеченной щекой его не узнать. Подхватив подполковника под локоть, поднял на ноги и с перекошенным от беспокойства лицом потащил прочь. Лошадей он утихомирил при помощи Таланта и, не обращая внимания на других беглецов, что попытались его остановить, забрался в седло и скрылся в темноте, прихватив с собой подполковника.

Привыкшие к темноте глаза начали выхватывать одно знакомое лицо за другим, когда в толпу ворвался всадник. Не беспокоясь, что разгоряченный конь может кого-то поранить, он с трудом осадил скакуна и что-то потребовал. Конь под ним семенил на месте, разворачиваясь, и лицо всадника рассмотреть никак не выходило.

Когда его приказ исполнили и принесли что-то, Лисара замерла. Невысокая, худощавая девчонка в белой длиннополой пижаме, вся в саже и пепле, с мешком на голове едва переставляла ноги. На груди болтались темно-красные бусы, а

растрепанные светлые волосы спутались, собрав в себя хвою, на которой она дожидалась всадника. Тот одной рукой оторвал Тишину от земли и перебросил через седло. Прежде чем люди успели разойтись, пришпорил коня.

Бросившись назад к квергу, Лисара высоко свистнула, уже не беспокоясь, что свист может привлечь нежелательное внимание. Гром ответил громким ржанием и пробился через молодую поросль навстречу. Цепляясь за грубую шерсть, Лисара заползла ему на спину и, развернув, направила за всадником. Дорога здесь всего одна.

Ветви больно хлестали по бокам, но Лисара не пыталась осадить кверга, который, словно осознавая, что на кону, бросился через лес. Впрочем, она быстро пожалела, что не озаботилась седлом, когда Гром решил, что куст быстрее будет перепрыгнуть, чем обойти. В последний момент ухватившись за круп животного, она свесилась в сторону, но не упала. Пока забиралась назад, они выскочили из леса наперерез всаднику.

Огонь и запах крови разгорячили Грома, пробудив инстинкты хищника. Папа пытался научить их спокойно реагировать на Талант, но животный инстинкт, который требовал от лошадей бежать, в квергах разжигал жажду крови. Наклонил голову, он ускорился. На счастье Тишины, похититель посадил ее перед собой, и удар рогом пришелся под локоть коня, а не по девочке. Рванув вверх, кверг подкинул жертву, игнорируя крик всадницы.

В лицо, ослепляя, брызнула кровь, мысленный взор тут же нарисовал страшную картину. В прошлом ей не раз приходилось наблюдать за тем, как охотятся кверги. Опрокинув противника, он либо вцепится зубами ему в горло, либо попытается сломать позвоночник, прыгнув сверху. Воображение представило последний вариант.

Размазывая кровь и слезы, Лисара чуть ослабила хватку и тут же слетела с Грома. Позабыв о всаднице, он вцепился в храпящего, бьющего копытами коня. Едва откатившись из-под ног зверей, Лисара с холодеющим сердцем попыталась отыскать переломанное тело племянницы и с удивлением обнаружила, что похититель успел спрыгнуть с коня, отбросив Тиш в траву.

Поднявшись, похититель покачнулся и, растирая плечо, обернулся. Лица в темноте не разглядеть, а Лисара слишком возбуждена и напугана, чтобы

воспользоваться Талантом. Краем глаза отметив, как Тишина, сев, стягивает с головы мешок, она крикнула, чтобы та бежала, и сделала одну из самых глупых вещей в своей жизни. Напала.

В Академии считали, что всякий, а в особенности магистр, должен уметь защитить себя. Занятия по самообороне Лисара не слишком ценила. Вместо того чтобы получать тумаки от Ниобы, предпочитала пробежать лишний кружок по стадиону. Все же кое-что из этих уроков она вынесла: пользуйся моментом неожиданности и не вступай в продолжительные баталии.

Подскочив к противнику, она ударила, как учили, всем телом, а не только рукой, целясь в уязвимые точки, надеясь ошеломить противника, прежде чем оглушить. С таким же успехом она могла бы попытаться ошеломить скалу. Удар пришелся на ушибленное плечо, но второго удара в нос противник уже не допустил. Перехватил руку и ударил наотмашь тыльной стороной ладони.

Перед глазами вспыхнул свет, и Лисара обнаружила себя лежащей лицом в траве. Склонившийся над ней человек заставил мозг работать быстрее. Выбросив вперед руку, целясь в не защищенные одеждой участки кожи, Лисара использовала прием, который не раз помогал уносить ноги. Заставить мышцы в чужом теле непроизвольно сокращаться – не самая сложная задача для кого-то с ее образованием. Талант горячей волной пробежал от груди к кончикам пальцев.

Пальцы уткнулись в горячую кожу, не произведя желанного эффекта. Руки противника сомкнулись на шее девушки. С ужасом осознавая, что не может вздохнуть, она в панике вцепилась в жесткие пальцы и, быстро осознав тщетность попыток, потянулась к лицу похитителя. Вцепившись ногтями в кожу, Лисара попыталась дотянуться до глаз, но тот, отклонившись назад, и не думал разжимать пальцы.

Мир вокруг стал терять четкость, утопая в темноте. Раскрывая рот в тщетной попытке вдохнуть хоть немного воздуха, она отпустила слабеющие пальцы и наткнулась на что-то твердое. Выхватив нож, ткнула им туда же, откуда его достала, – в бедро противника.

Стальная хватка ослабла, и, упершись ногой в грудь мужчины, Лисара отбросила его от себя. Хватая ртом воздух, чувствуя, как от каждого движения горит горло, она отползла в сторону.

– Не надо! Пожалуйста! – закричала Тишина.

Тишина повисла на руке похитителя, который уже направил пистолет в сторону Лисары.

– Пожалуйста, – чуть тише произнесла она, прижимаясь щекой к руке и заглядывая в глаза мужчины.

Если бы Лисара могла говорить, то едва ли стала ругать племянницу за то, что та не сбежала, когда был шанс. Куда более полезным был бы простой свист и команда для Грома, что, удавив лошадь, устроил кровавый пир в десяти метрах от них. Подобравшись к нему поближе, быть может, удалось бы внушить квергу, что посторонний позарился на его добычу, и никакой пистолет не спас бы похитителя тогда. Поднявшись на ноги, она стала крохотными шажками отходить к Грому. Услышав выстрел, зверь переполошится и нападет. Главное, чтобы не на саму Лисару.

Со вздохом противник отпустил пистолет. Пока Лисара думала, как поступить, он внезапно бросился на землю, увлекая за собой Тишину. Вибрация пронзила пространство, повторно затрудняя дыхание. В спину ударил поток воздуха. Удар вышиб воздух из легких и сбил с ног.

Глава 4. Лисара Кайт

В себя Лисара пришла в телеге. Каждая кочка отзывалась целым фейерверком боли в теле. Услышав стоны, ее откопали среди трупов и не церемонясь выволокли на траву.

– Живой?

К губам поднесли бурдюк с водой, и, сделав несколько болезненных глотков, Лисара кивнула, тут же пожалев об этом движении. В грязи, траве и саже она мало отличалась от мертвецов в телеге и окружающих ее мужчин. Правый глаз не раскрывался. Лицо распухло и болело. Так паршиво она не чувствовала себя даже после падения с крыши теплицы на шестом курсе.

На востоке серебрился рассвет, на этот раз настоящий, подкрасив пушистые облака розовым, а верхушки деревьев золотым. Под ветвями темных елей прятались клочки тумана. Оказавшись среди старого пепелища, Лисара не сразу узнала это место. Еще несколько лет назад здесь висело проклятье, которое сняла группа Зара. Место должно быть жутким и страшным, но на деле оно даже симпатичное. Вокруг черных обугленных домов проросли деревья, провалившиеся крыши устилала трава, а из провалов окон выглядывали ветви ивы.

Наемников осталось не больше десятка. Отступая, они прихватили тела и теперь скидывали в овраг у леса.

«Отравят ручей», – отстраненно подумала она и спохватилась. Обшарила одежду, голову, посмотрела на окружающих, но никто не обращал на нее внимания. Таких же потерянных и помятых здесь было в достатке. Мешковатая одежда и платок послужили маскировкой.

– Торопитесь, нам нужно уходить, – скомандовал один из них.

Его выдавали осанка, фигура, тон голоса. Пусть он и в потертой куртке, измазанный сажей и серый от усталости, от него за версту разило военным. Первое время после службы Дарий и Радим были такими же.

– Закапывать не будем?

– Нет времени, – кратко откликнулся он, цепким взглядом осматривая оставшихся.

Опустив взгляд, Лисара притворилась, что ощупывает ногу. Не хотелось встречаться с ним взглядом.

Каждый вздох причинял боль, спина, должно быть, превратилась в один большой синяк. Стараясь двигаться медленно, она сделала вид, что прохаживается, взглядом выискивая тень поглубже, чтобы схорониться и сбежать, едва появится шанс.

– А что с этим в подвале? – обратился к военному один из наемников. Он выглядел относительно чистым и свежим, должно быть, не участвовал в нападении.

– Оставь, – отмахнулся тот.

– Может, это, того его?

– Нет, – в голосе зазвенела сталь. – Только проклятья на нашу голову не хватало.

«Проклятье оставит следы, и магистры их выследят, – подумала девушка. Внезапное озарение заставило ее замереть. – Папа? Здесь? Они заперли его в подвале?»

Зачем было нападать, чтобы после бросить его в таком месте? Быть может, и Тишина где-то рядом?

Пришлось отложить бегство. Подобравшись к телегам, она некоторое время наблюдала, как наемники сбрасывают трупы в овраг. Переломанные, искореженные, обожженные. Несмотря на два года работы в морге, она почувствовала, как страх и отвращение сковывают позвоночник.

Другие наемники шарили по карманам павших товарищей, стягивали ботинки, снимали куртки.

– Зря собираешь жетоны, – сказал один из них, когда его подельник повесил на шею уже четвертую бляшку. – Один человек – один жетон. Так он сказал. Больше не заплатят, – осмотревшись, он недобро прищурился. – Лучше, если до Астры дойдет как можно больше народу, а после оплаты можно будет…

Окончания фразы Лисара не услышала, но брошенный в ее сторону красноречивый взгляд говорил сам за себя.

Ботинки заскользили по влажной земле, когда она скатилась в овраг. Ноги тут же уперлись в чью-то руку. Едва сдержав вскрик, она задержала дыхание. По долгу службы девушка видела достаточно мертвых тел, раздевала, мыла, вскрывала, проводила анализы, зашивала, но сейчас необходимость ступать по

тому, что еще недавно было живым человеком, вызывала рвотные позывы.

В первую очередь маскировка. Пока ее спасает лишь то, что наемников было так много, что в лицо они друг друга не знают, да и ее собственное лицо – огромный заплывший синяк. Стараясь не думать о том, что делает, Лисара стянула куртку с трупа, затем жетон и плоскую кепку. Ссутулившись, опустив лицо, она бродила с остальными наемниками меж деревьев, надеясь, что куртка и кепка ее спрячут.

Военный приказал убрать все следы их присутствия, словно никто не заметит, что они вытоптали целую поляну. Собирая в мешок остатки еды, Лисара старалась осмотреть каждый угол старых домов.

В доме Дария имеется подвал. Лисара всем сердцем надеялась, что он с семьей успели схорониться там. Тот подвал строился в каменном фундаменте и имел воздуховоды – небольшие окошки, через которые кошки заходили в гости. Отличное место, чтобы переждать пожар.

После непродолжительных поисков подходящий дом был найден. От некогда большого особняка остались черные от копоти стены. Крыша завалилась внутрь, межэтажные перекрытия торчали из каменной стены обгоревшими пеньками. Вокруг дома колосилась высокая крапива – единственное, что не вытоптали наемники. Медленно, стараясь не стонать от боли в горле и спине, она обошла дом и нашла воздуховод по запаху. Запаху выгребной ямы.

Натянув рукава на запястья, Лисара раздвинула заросли крапивы. Окошко действительно имелось, и даже чуть больше, чем в доме Дария. Из темноты послышался лязг цепей. Лучшее, что можно сделать, – затаиться в лесу. Всех коней они растеряли, значит, пойдут пешком. Колонна растянется, и Лисара схоронится в лесу, а после вернется к дому.

Пожалев, что не собрала ничего толкового: несколько крупных кусков хлеба, бутылки, в которых что-то плещется, куски ткани и обломок ножа, – просунула мешок в дыру и осторожно опустила, надеясь, что бутылки не побьются.

– Я скоро вернусь за тобой, – шепнула она и как можно скорее отступила.

Наемники собрались уходить. Гору трупов присыпали землей и ветками. К ночи на запах разложения сюда сбегутся падальщики.

Боясь привлечь ненужное внимание, она не стала задерживаться у окна.

Военный к этому моменту построил наемников, пересчитал и приказал выдвигаться. Уставшие и голодные мужчины с ворчанием двинулись следом за военным. Тот наемник, что не участвовал в нападении, пристроился в конце. Неприятно.

Следующая мысль была достойна бесстрашия Ниобы или смелости Зара: можно пойти с ними и найти нанимателя.

Вышагивая за наемниками, она присмотрелась к военному, что шел впереди. Зачем было похищать Тишину, чтобы после запереть ее так близко к Дарию, который будет носом землю рыть в поисках дочери? Выкуп? Информация? Тогда почему в лагере никто не остался? Зачем устраивать нападение и пожар? В овраге осталась лежать куча народу, это ведь улика. Взрыв, что едва ее не убил, – кто его устроил? Папа? Кто-то из нападающих?

Что, демоны вас раздери, тут происходит?!

«В любом случае Радим начнет поиски и заглянет на пепелище деревни, ведь именно там видели посторонних, – успокаивала себя Лисара. – Он папу и освободит. А я немного прогуляюсь».

Одно время Лисара фантазировала, что возьмет отпуск и отправится в пеший поход. Из столицы на Север! Вот это будет достижение. Ночевать в лесах, а когда надоест, можно оплатить гостиницу или напроситься к местным. Дойти до излучины реки Резы и сплавиться на плоту. Переход занял бы чуть больше двух недель.

Чтобы отказаться от этой идеи, достаточно всего одного изматывающего похода.

К ночи наемники достигли деревень вблизи Астры. Всего один дневной переход лишил сил и желания когда-либо двигаться. Мышцы на спине, плечах и бедрах задубели, каждый шаг стал пыткой, а когда появлялась возможность отдохнуть, казалось, она уже не поднимется. Счастье, что сейчас не лето. Комары и оводы обглодали бы их за считанные минуты.

Страдала не она одна. Во время переходов разговаривать было некогда, зато, полежав пару минут, некоторые принимались сетовать на заказ.

– Вам хорошо заплатят, – отозвался военный. Он и не заметил дневного перехода, разве что рубашка чуть промокла от пота.

– Никто не предупреждал, что магистр распылит себя и всех, кто окажется рядом.

Лисара в этот момент валялась в траве, и едва ли кто-то заметил, как дернулось ее тело.

После войны, когда многое из случившегося было предано огласке, стало ясно, как немногочисленным магистрам удалось удержать оборону. Кто-то сдавался в плен, другие намеренно забредали глубоко в тыл вражеских лагерей. Высвобождение всей энергии разом при определенных обстоятельствах может вызвать взрыв чудовищной мощности.

«Папа не сделал бы этого, – убежденно произнесла она про себя, зажмуриваясь. – В подвале сидел Дарий с семьей, он не стал бы подвергать их опасности».

Запасы, что она собрала в лагере, быстро истощились, едва хватило до города. От усталости Лисара была не в состоянии рассматривать разросшийся шахтерский город. Пепел в воздухе скреб пересохшее горло. Ноги месили непрекращающуюся грязь, хотя дождей давно не было. Каменные дома зажимали кривые улочки в тиски, наполненные запахом испражнений. На окраине в притоне болезненно худой мужчина с тонкими серыми волосами произвел расчет.

Держа в руках зарплату за полгода, Лисара пыталась понять: много это или мало за магистра? За такого, как она, много, даже слишком. За такого, как папа,

пожалуй, маловато, хотя тут, наверное, вопрос в другом. Во сколько эти люди оценивают свою жизнь.

После оплаты военный и худой бухгалтер разошлись. Лисара отдала предпочтение второму: раз у него деньги, то, возможно, он важнее военного, которого так же могли нанять. Проследить за ним не составило труда.

Улочки Астры узкие, кривые, с резкими подъемами и спусками, обледенелые, несмотря на весну, холодные и грязные. Затеряться здесь – раз плюнуть, и пришлось сократить дистанцию, отчасти чтобы не потерять худого из виду, отчасти чтобы не заблудиться самой.

Каменный лабиринт – идеальное место для засады. Когда из очередного поворота выскочили наемники, это стало неприятным сюрпризом.

– О! Малец, давно не виделись, – первый появился из-за каменной стены, пропустив перед этим тощего бухгалтера.

– Сложно, должно быть, бродить по городу с таким тяжелым карманом, – еще один возник за спиной. – Мы можем помочь.

– Спасибо, не стоит, – пятясь к стене, с трудом прохрипела Лисара, судорожно осматриваясь.

Оказавшись зажатой в узком проулке, она понадеялась, что сваленные у стены коробки не слишком гнилые.

– В каком отряде ты был? Что-то я не помню тебя на сборах, – щурясь, спросил один из них.

– Кто командовал твоей группой? – подступил со спины второй.

Рванув к коробкам, она вскрикнула, когда пришлось запрыгнуть на них, а оттуда на крышу. Забросив ногу, она втянула себя наверх. Наемникам достался ботинок. Забравшись повыше, она затаилась, наблюдая за ними. Ругаясь, они выбросили ботинок в канаву и ушли подкарауливать другого наемника в кабаке. Несмотря на холод черепицы, спускаться Лисара не торопилась. Обувь, конечно,

жалко, промокнет, но лучше так, чем спрыгнуть и попасть в руки кого-то более терпеливого.

Пока лежала, было время подумать. Чуть позже в чавкающем ботинке Лисара пришла на вокзал. Поезда возили из Астры уголь и железо для заводов. Дальше Астры путей нет, а отсюда можно уехать только в Квач. Если бухгалтер не местный, он будет на вокзале.

Купив билет на ближайший поезд, Лисара потолкалась среди ожидающих. Астра занимает первое место среди респираторных заболеваний, поэтому не стоит удивляться, что каждый второй кашляет. Глядя на нестройные ряды труб, которые, словно забор, охватывали город, Лисара вспоминала рассказы Дария о черном снеге и хлопьях пепла, падающих с неба.

Среди ожидающих она обнаружила несколько знакомых лиц – наемников. Любопытно, мистер Мэнсон и начальник Руда уже уехали или отсыпаются в гостинице? Последнее вызвало в душе такую бурю эмоций, что при попытке их выразить заболело лицо.

Бухгалтер нашелся в привокзальной столовой. В костюме государственного служащего, котелке и очках, он пил чай и читал газеты, словно и не выплатил целой шайке убийц плату за поджог и похищение. Приближаться к нему Лисара не стала. Хотелось есть, но даже воду пить было больно. Щипая мягкую булочку, она запивала ее молоком, наблюдая за бухгалтером издалека.

Радим, должно быть, уже прочесывает пепелище. Освободил Дария с семьей из подвала. Они нашли папу в оставленной деревне. Наверно, они все ужасно переживают из-за ее пропажи. Почувствовав укол вины, она отправилась на почту и срочной доставкой отправила домой письмо. Пусть не переживают, она в порядке, в ближайшие дни вернется. Зато как они обрадуются, когда Лисара привезет им столь ценные сведения!

Едва поезд тронулся, как в вагонах потушили свет. Ночной поезд увозил рабочих домой, делая частые остановки на станциях и в деревнях. Уснуть не давали боль в спине и пульсирующее лицо. Краем глаза она наблюдала за бухгалтером, который спал, держа чемоданчик на коленях. Остановки и свет на станциях будили его, и, всякий раз просыпаясь, он прижимал к себе чемоданчик. Сидя у

прохода, отделенная от него четырьмя рядами сидений Лисара не сводила с мужчины глаз.

В Кваче, едва выйдя из поезда, она поспешила за бухгалтером, опасаясь потерять его в толпе. Площадь освещалась из рук вон плохо, нет ничего странного в том, что Квач лидирует в списке небезопасных городов. Толпа напирала. Подобравшись поближе, Лисара вцепилась в кожаный бок чемодана и, рванув, резко отвернулась, сунув его под куртку.

Как говорил Зар, научивший ее этому трюку: главное, не слишком много думать, не позволить страху сделать тебя нервным, не дать пробудиться совести и воспитанию.

Позволяя потоку людей нести себя по улицам, она краем глаза заметила растерянное лицо бухгалтера, который, озираясь, пытался найти вора. Поток вывел Лисару к докам. Немного сориентировавшись, она направилась в единственное знакомое ей место – в квартиру Зара.

Понимая, что новенький блестящий кожаный чемодан не слишком вяжется с ее внешним видом, Лисара, отступив в подворотню, достала его из-под куртки и раскрыла. Бухгалтерский журнал она сунула под одежду, остальное переворошила в поисках записной книжки. Деньги, чистая бумага и набор для письма, в бумажном пакете белье и носки.

На секунду она скривилась в горькой усмешке. Посмотрите на нее. Возмущалась, что после обучения ей не дали место в хирургическом отделении, а сама ведет себя как прожженный жизнью вор.

Последнее было преувеличением, потому что знавший жизнь вор не стал бы задерживаться на одном месте с ворованным чемоданом в руках. Едва тень упала на стену, как кто-то грубо прижал девушку к стене, вырвав чемодан из рук.

– Не суй свой нос в чужие дела, – негромко произнес незнакомый голос, и что-то быстро укололо в бок. Незнакомец исчез так же, как и появился. Испуганно озираясь, Лисара, петляя, словно заяц, поспешила к дому Зара. Избегая прямых путей, плутала, пока не почувствовала, что штанина промокла и как-то неприятно липнет к телу.

Разглядеть в темноте, что к чему, не представлялось возможным. Хромая и едва не хныча от боли и страха, Лисара добралась до квартиры Зара.

Глава 5. Ниоба Верес

Покидать горы невероятно тяжело. Не только потому, что нужно пройти чуть более ста километров, забраться на плато и перебраться через несколько ледяных горных рек, чтобы добраться до людей. Ниоба полюбила горы, как одни любят уютное тепло печи и бабушкины пирожки, она любила чувство свободы и отрешенности от мира.

Проснувшись раньше обычного, девушка сжалась от холода. Ветер терзал палатку, влага после дождя проникла под тент и пропитала лежак. Не выползая из спального мешка, она нащупала в сумке белье и переоделась. Почувствовав тепло, отбросила одеяло и, надев верхнюю одежду, выползла из палатки.

Северное солнце встретило ее ослепительно ярким светом. Ветер трепал выбившиеся из косы волосы. Разминаясь, Ниоба подхватила котелок и направилась к леднику, от которого в сторону долины стекали ручьи.

Пока она возилась с костром, поднялся руководитель группы. Зябко кутаясь в куртку, он кивнул девушке и поспешил прочь, к кустам и деревьям на краю скалы. Дрова занялись, и, установив котелок, она направилась к палатке за крупой, но, не дойдя до нее, свернула в сторону обрыва.

Под ногами расстилалась долина. Леса как мох, реки как ручьи и ярко-синие плошки озер – лужицы. Согретая солнцем, Ниоба не стала возвращаться в палатку за курткой, вбирая в себя свежесть горного воздуха, лучи утреннего солнца и спокойствие. Безмятежность, с которой горы карают малодушных.

– Прощаетесь?

Вздохнув, она повернулась к руководителю группы, что стоял на два шага позади.

– Вы бы не подходили так близко к краю. Академия не простит потери столь талантливого магистра.

Улыбнувшись, девушка отвернулась к долине и протянула к ней руки.

– Как же я хочу остаться, – она посмотрела на пик Ветреный. Лента, оставленная на флаге, отсюда была не видна, но она чувствовала трепещущие на ветру хвосты. – Не могу сказать, что я не скучаю по горячей бане и возможности спать на ровной и мягкой кровати, но здесь так хорошо.

– Я мог бы договориться с Академией, – донес до нее ветер.

Руководитель группы говорил что-то еще об избушках в горах, где она могла бы заниматься записями и исследованиями, не отходя далеко от раскопок. Человеком он был неплохим, нестарым, недряхлым, по-своему честным. Ниоба искренне жалела, что сердце оставалось глухо к его ухаживаниям.

Группа просыпалась, и он ушел готовить завтрак, а Ниоба, снедаемая неловкостью, – собирать палатку. Съев свою порцию каши, она твердо решила, что в следующем учебном году, пока будет преподавать, никто не заставит ее есть эту гадость. Каш в самых разных вариациях она наелась на целую жизнь вперед.

Взвалив рюкзаки на плечи, группа начала спуск. В горах они уже полгода, порой группа возвращалась к цивилизации писать статьи, отчеты, работать с экспонатами, а заодно отмываться и отсыпаться. Всякий раз проводник старался подобрать для них новый маршрут, поражая притаившимися в укромных уголках высокими водопадами с вечной радугой или невиданными ранее цветами и видами.

Этот спуск – последний. Их группа возвращается в столицу. Еще до отъезда Ниоба согласилась вести курс, отказываться уже поздно. Тело радовалось, что скоро тяготы похода отойдут на второй план, но душа требовала остаться в горах. Есть в них что-то притягательное, что проникает в самое сердце.

Остановившись перед спуском, она некоторое время смотрела, как верхушки гор – слишком низких, чтобы на них скопился снег – плавают в утренней синеве.

Свобода. Вот что давали ей горы. Возможность удовлетворить творческие и профессиональные амбиции меркла перед этим бесконечным, суровым и диким пространством. Свобода одеваться как хочешь, заниматься чем интересно, применять Талант без оглядки на законы, мыслить так, как хочется, а не так, как правильно.

Украдкой вытерев слезу рукавом, она поспешила нагнать группу. Опираясь на выточенный еще весной посох, она, стараясь не поскользнуться на глине, перебралась на курумник. Поросшие жестким мхом крупные камни, которые так ненавидели некоторые из ее спутников, превратились в любимую тропу для Ниобы. Ботинки на них не скользили, и прыгать с камня на камень куда интереснее, чем барахтаться в глине.

С плато они спускались два дня, потом еще сутки шли через лес к реке, где жили лесничие. На лодках по быстрой ледяной реке, напоенной горными ручьями, сплавились к морю. Там их уже ждали, и ночью на телегах они приехали в деревню. Пожевав остатки сухих фруктов в телеге, Ниоба доползла до выделенного ей угла под крышей сарая и, натянув на себя спальный мешок, сразу уснула.

Разбудил ее петух, что драл глотку при виде рассвета. Ему вторили другие претенденты на суп, прогоняя остатки сна. Ниоба не являлась фанатом раннего пробуждения и уже подумывала устроить геноцид пернатых, когда хозяин дома вышел кормить скотину и обложил крикуна таким количеством непечатных выражений, что, почувствовав себя отмщенной, Ниоба уснула.

Спать на сухой соломе – настоящее счастье, особенно после целой недели дождей из-за тучи, зацепившейся за верхушки гор в долине, где стоял их лагерь. Проснувшись, она неожиданно для себя осознала, что ей никуда не надо. Не нужно идти за водой, не нужно разжигать костер, не нужно вспоминать, чья очередь готовить. Счастливая, умылась дождевой водой из бочки, неожиданно теплой после горных ручьев, и впервые за долгое время села завтракать за стол. Подали ненавистную кашу, но даже это не смогло испортить настроение.

Разбирая вещи, Ниоба мысленно унеслась в Кондому. Планировала расписание и подумывала, а не снять ли меблированную квартиру вместо комнаты в общежитии. Два года она не тратила зарплату. Нужно обновить гардероб,

обязательно заказать несколько новых выходных платьев, узнать, какая мода властвует над умами красоток столицы.

В бане она отмывалась полдня. Их парили, обливали из купели и снова парили. Разомлев, Ниоба сидела во дворе с другими девушками, наблюдая за лениво вышагивающими гусями. Мысленно радуясь долгожданной возможности надеть свежее белье, она болтала с дочерью хозяина дома на отвлеченные темы. Ту интересовало все – от причудливой вышивки на рубахе девушки до слухов, что ходили вокруг археологической группы.

– А вы не боитесь гнева духов? – перебирая миниатюры, которые вынесла, чтобы похвастаться, спросила она.

– Аррр! – на крышу сарая опустилась ворона. Поворачиваясь то одним глазом, то другим, она прыгала по соломе, игнорируя ругань хозяина дома.

– С нами ходил шаман, он их умаслил, – сказав это, Ниоба улыбнулась, вспоминая, как шаман на пару с идолами пил какую-то вонючую бодягу.

– Дедушка был уверен, что вы не вернетесь, что Карестовы земли заберут вас!

– Мы так далеко не забирались. До ледяной пустоши еще несколько недель пути.

– Аррр!

Это могла оказаться и самая обыкновенная ворона. Быть может, где-то неподалеку стая нашла падаль. Кот, крутящийся поблизости, сощурил глаза на птицу. Ворона ответила громогласным: «Каррр!»

Кстати, об умасливании, не забываем о банальной вежливости!

– Какие чудесные миниатюры, – живо заинтересовалась акварелями Ниоба. – Вы их нарисовали?

– Нет, что вы, – щеки девушки налились румянцем. – В пригороде Квача живет молодой человек, – зашептала она, наклонившись к Ниобе, – он рисует.

– Мм?

– Аррр! – раздалось оглушительно над головой. Хозяин шуганул птицу вилами. Черная тень сделала круг по двору и села повыше.

– Интересный, должно быть, молодой человек?

– Очень, – многозначительно хихикнула девица. – Он обещал нарисовать мой портрет, да вот папенька никак не соберется в город.

За обедом обсуждали какой-то пожар, Ниоба к разговорам не прислушивалась. До начала учебного года еще две недели, и девушка планировала провести это время весьма плодотворно. Остаток дня они провели у костра, травя байки, обсуждая находки и дописывая бумаги.

Ранним утром группу погрузили в телеги и повезли в сторону города. Укутавшись в плед, Ниоба сонным взглядом наблюдала за стаей ворон, что преследовала телеги, стараясь держаться леса.

Солнце пробивалось сквозь дым фабричных труб. Карканье ворон затерялось среди криков чаек, которые кружили над портом. Гудок парохода заставил девушку вздрогнуть и проснуться. Город наваливался на путешественников дурно пахнущим шумным нагромождением старых покосившихся домов.

Квач – самый большой город Кондомы, единственный порт, доставшийся в наследство с имперских времен, оттого густонаселенный, суетный и тесный. От Квача в столицу тянулась железная дорога, первая на Западе. Больше об этом городе и сказать было нечего.

Их группу радушно встретила делегация из Академии. Они обеспечили билеты на поезд, место под багаж, помогли погрузить экспонаты согласно маркировке, а самое ценное взяли с собой в купе.

Здесь тоже говорили о пожаре. С ужасом шептали, что целая семья погибла в огне. Не желая слушать россказни, Ниоба вскинула вещмешок на плечо и отступила подальше. Протолкавшись через толпу, вышла на площадь. Теснота

душила.

Приметив крупную ворону, которая неотрывно следила за ней, Ниоба осторожно приблизилась. Не исключено, что это самая обычная птица, обитающая на местной свалке. Ворона с крыши газетного стенда перелетела на дерево и вновь выжидательно остановилась. До отправки поезда еще два часа. Пожав плечами, девушка отправилась за птицей.

«Любопытно посмотреть на него два года спустя», – прислушавшись к себе, Ниоба не обнаружила в душе ненависти или обиды. Все же, терзаемая сомнениями, она невольно медлила. Всякий раз, спускаясь с гор, она и местные замечали странное поведение птиц, когда несколько особей начинали преследовать группу. Как-то беркут сбросил на них мешок с сухофруктами, когда горная река унесла их провиант. В том, что все это проделки ее старого друга, Ниоба не сомневалась. Едва ли боги могут быть столь благосклонны к тем, кто копается в их костях.

Город строился стихийно, оттого улочки змеились, затрудняя возможность ориентироваться. Высокие дома, скрепленные между собой бельевыми веревками, нависали над головой. Местные настолько привыкли к неиссякающему потоку путешественников, что не обращали внимания на ее наряд. Подходящего для прогулок по городу платья у Ниобы не было, только то, в чем она лазила по горам, – выгоревшая грубая куртка и залатанные мешковатые штаны, давно потерявшие цвет. В столице ее бы уже остановил милиционер за неподобающий внешний вид.

Добравшись до порта, девушка глубоко вдохнула морской воздух и порадовалась, что не различает запахи. Деревянные осклизлые пирсы, кучей сваленная рыба, облепленная мухами, пирующие крысы. Где-то поблизости драл глотку матрос, напевая о далеких берегах и экзотических красавицах. Нюхать все это совершенно не хотелось.

У самых пирсов встретились моряки, которые курили у рюмочной. Едва один из них отделился от компании и направился в сторону девушки, как над головой раздалось громогласное: «Каррр!» Остановившись, он посмотрел на ворону и вернулся к своим.

Ворона уводила девушку от порта в сторону частных особняков, где пирс выложен из камня, где на подоконниках растут цветы, а стены домов выкрашены яркими красками. На волнорезе в черном сюртуке стоял высокий мужчина. За ним волны яростно штурмовали скалу, на которой высился маяк.

Ворона, сделав круг, приземлилась на мольберт и еще раз каркнула. Обернувшись, мужчина – язык не поворачивался назвать его мальчишкой – улыбнулся и вскинул руку в приветственном жесте. Ветер взлохматил кучерявые черные волосы. Ниоба ответила неуверенным жестом и, мгновенно осознав, насколько нелепо выглядит, покраснела.

Ступая по волнорезу, она пыталась придать своему костюму чуть более опрятный вид, понимая, сколь бессмысленно это занятие. Смущение замедлило ее шаги.

– Молодец, молодец, – похвалил Зар пернатую помощницу.

Отложив карандаш, он развернулся и, широко улыбнувшись, направился навстречу, распахивая объятия. Всякая робость тут же оставила девушку, в пару быстрых шагов преодолев разделяющее их расстояние, она налетела на старого друга и тут же была подхвачена знакомыми руками. Чувствуя, как ноги отрываются от земли, Ниоба счастливо пискнула.

– Боги Великие, сколько лет, сколько зим?! – воскликнул Зар, едва девушка оказалась на земле.

– Два года, – отозвалась она, чувствуя, как предательски подгибаются коленки.

Еще никогда ей не было так стыдно за свой внешний вид, за полинялую рубаху и вытертые штаны, за отсутствие прически и приличного платья. Зато Зар выглядел непривычно опрятно и стильно. Непослушные волосы подстрижены, подбородок и щеки гладко выбриты. Помнится, в детстве было настоящей проблемой заставить его умыться, а тут почти столичный денди. Из-под сюртука выглядывала белоснежная рубашка с накрахмаленным стоячим воротником – пример того, как мода вошла в форму министерских работников. Шелковый жилет темно-синего цвета с искусной вышивкой. Вычищенные, несмотря на уличную грязь, ботинки.

«Ты ли это?» – растерянно думала она, вспоминая оболтуса, что был ее другом когда-то.

Чувствуя, как к щекам приливает кровь, Ниоба попыталась отступить и, заглядывая ему за плечо, спросила:

– Что рисуешь?

Приколотый к мольберту лист с наброском держали бронзовые канцелярские кнопки. За время разлуки мастерство Зара заметно выросло, еще не расписанная картина тонко передавала игру света и тени на скалах, не растеряв перспективы.

– Мы не виделись два года, а ты спрашиваешь, что я рисую? – весело поинтересовался он и стиснул девушку в объятиях. – Я уж думал, вы никогда не спуститесь с гор.

– Ну что ты, как бы я там выжила без притока новых книг, – отчаянно краснея, отозвалась Ниоба.

Глава 6. Зарониэл Эрис

Обучение в Академии условно бесплатное, все оплачивается государством, но Малый Совет Академии принимал пожертвования. К тому же бесплатными были только первые пять лет, все последующие годы, потраченные на получение профессии, оплачивались студентами, порой будущим работодателем, в редком случае – стипендией, назначаемой особо талантливым студентам. Таким, к примеру, был сводный брат Зара, Николас Фиар.

В случае Зара получить стипендию не вышло, слишком много нервов он потрепал преподавателям за первые пять лет. Работодатели также не спешили вкладываться в неуправляемого и своевольного мальчишку. Потому пришлось заключить договор с Академией, по условиям которого оплата будет производиться из последующей заработной платы бывшего студента. Этакое трудовое рабство – как о нем отозвался Руд.

Так Зар оказался в Кваче – городе, который ненавидел всей душой с самого детства. Распределительная комиссия, словно желая отомстить за годы холодной войны, выбрала самое нереспектабельное, пусть и хорошо оплачиваемое, место.

Работа – скучное и нудное перебирание бумажек. Корабли в дальние плавания они не отправляли, жизнь людям не спасали и даже не пытались сделать ее лучше. В то же время значение этому крючкотворству придавалось невероятное. Все бегали взмыленные и раздраженные. Первое время это выводило из себя. Крики, постоянные скандалы из-за проклятых бумажек никак не укладывались в картину мира Зара. Все это столь мелочно и несущественно, что он подумывал сбежать на Восток. Если бы не ободряющие письма друзей, то Зар сжег бы мосты еще в первые полгода.

И это несмотря на его успех в расследовании проклятий. Кому-то явно не понравилось, что Зар получает удовольствие, таскаясь по лесам и весям, разбираясь в старых бумагах. Знать бы еще, кто тот умник, что посоветовал комиссии перевести его в самое скучное и пыльное место на Земле.

На рынке говорили о пожаре. Торговцы донесли до Квача фамилию погорельцев и неутешительное: все погибли. Кто все? Вся семья. Кто конкретно? История уже имеет одну трагедию с этим семейством во главе, Зар лишь надеялся, что она не повторится.

До революции север был населен Кайтам чуть больше чем наполовину, пока глава семьи, герцог Кайт, не рассорился с императором, высказывая не слишком приятные монаршему уху мнения, за что был отправлен в ссылку. Его многочисленные родственники, братья, племянники, сыновья и прочие восприняли это как личное оскорбление и прекратили поставку древесины, пушнины, меда, камней, металлов и драгоценностей на юг. Близкий как императорскому, так и Кайтовкому семейству род Эрихов в ситуацию не ввязывался. В отличие от Кайтов, Эрихи имели право наследовать престол и потому предпочли занять выжидательную позицию.

Что именно послужило причиной последующих жутких событий – неизвестно, но в одну из ночей все носившие фамилию Кайт вмиг были умерщвлены. Спаслись немногие: женщины, успевшие выйти замуж и сменить фамилию, двоюродный

племянник герцога, который в тот момент находился в плавании, а вернувшись, благоразумно сменил фамилию на Кайм и поселился на юге империи. Последним прямым потомком оказался Александр Кайт, отец Лисары, что в то время жил на востоке.

Сейчас Зар мог назвать три дома, которые носили фамилию Кайт: сам Александр, его старший сын Дарий и приемный Кадим. Последний жил дальше всех в месте, где Северная гряда встречалась с Эйлирийскими горами. Понимая, что нехорошо так думать, Зар все же надеялся, что у Кадима сгорела ферма.

Внезапное появление Ниобы стало лучиком света в царстве беспросветной скуки и одиночества. Все скопленное раздражение разом покинуло его, едва вороны принесли весть о смуглой зеленоглазой девице, спустившейся с гор. Первым порывом было бросить все и поехать к ней, но Зар, пересилив себя, остался на месте. Что, впрочем, не помешало ему подыскать костюм получше, посетить баню и цирюльника. Пришлось покопаться в набросках и отыскать самый удачный. Выбор не слишком велик, он использовал рисование для медитации и ухаживания за девушками, а не для оттачивания навыков. Установив мольберт на волнорезе, он оценил вид и решил, что с него самого на таком фоне можно писать картину.

Вороны, наблюдая издалека, проводили девушку до самого города и привели к нему. Все это время Зар тешил себя мыслью, что разлука излечила его сердце и позволила накопить достаточно гордости, чтобы не повторять старых ошибок.

Ниоба явилась. Ветер играл с черной кудрявой прядкой, выбившейся из-под платка, намотанного чалмой. Холодный морской ветер окрасил щеки милым румянцем. Серый город померк в блеске ее зеленых глаз. Очарованный явившимся перед ним образом, Зар потянулся навстречу, видя ответную улыбку.

Просияв, девушка, не помня прошлых обид, распахнула объятия, и они крепко обнялись. Стиснув хрупкое тело руками, он оторвал ее от земли и закружил. Девушка счастливо пискнула.

Ниоба спросила что-то о картине, рассказала о скорой отправке поезда, а Зар все это время искал тему, которая заставила бы ее задержаться тут подольше, одновременно презирая себя за слабость.

– До начала учебного года еще две недели. Не хочешь навестить Лису?

Ниоба выдала такую бурную реакцию, готовая прямо сейчас броситься в дорогу.

– Давай так. Предупредим твоих, забросим сумки ко мне и пойдем куда-нибудь поедим. Вечером будет поезд до Астры, оттуда рукой подать до Кайтов.

Пришлось забежать на работу. Под недовольными взглядами коллег он написал заявление об отпуске – впервые за два года. Пока шли к квартире, Зар опасался неловкого молчания, но у Ниобы накопилось столько впечатлений, что она могла бы без остановки говорить о горах, так и не исчерпав этой темы за целую вечность. О горах она говорила так пылко, так страстно, что Зар сам невольно начал проникаться восхищением и любовью к тому, что полжизни ненавидел.

Воспитание порой брало верх, и Ниоба делала паузы, позволяя собеседнику вставить слово. Одно плохо: всякий раз, когда Зар поворачивался к ней, горло пересыхало, мозги превращались в кашу. К счастью, невразумительного мычания и кивков было достаточно для поддержания беседы.

Когда они добрались до старого, серого от влаги, скрипящего на ветру дома, где он снимал комнату, мозги немного пришли в порядок.

– Ого, живешь под самой крышей? – восхитилась она, поднимаясь по покосившейся лестнице, которая медленно отделялась от стены, обнажая кривые ржавые гвозди.

Только Ниоба могла бы восхититься столь неприглядным местом жительства.

– Да. Летом крыша накапливает жар, зимой все продувается, а во время дождя долбит прямо по голове. Зато открывается шикарный вид на залив.

Пропустив все минусы, она с восхищением отреагировала на последнее и, перепрыгивая через ступеньку, поднялась в мансарду. Лестница от таких скачек вытянула гвозди из стены еще на пару миллиметров. Подойдя к облупившейся двери, Зар приподнял покосившуюся дверь – замок давно сломался – и жестом волшебника распахнул ее.

Сияющая радостным возбуждением Ниоба вмиг побледнела. Заглянув в комнату, Зар последовал ее примеру. Посреди маленькой захламленной комнаты спиной к ним стояла девушка без рубашки. Неизвестно, что сильнее его поразило: девушка в его комнате, ведь он водил их в гостиницы, или огромный сине-фиолетовый синяк во всю спину.

Прижав рубашку к груди, она обернулась и, лишь на мгновение смутившись, радостно просияла:

– Привет!

На секунду выбитая из колеи Ниоба бросилась обнимать подругу, а Зар прикрыл дверь, оставшись в коридоре. Когда его позвали, Лиса уже сидела на кровати полностью одетая, на столе стояла разворошенная аптечка.

– Боги! – воскликнула Ниоба. – Кто это тебя так?

– Прости, что пришла без приглашения, но мне нужно было тихое место, чтобы перевязать бок.

Рассказ Лисы получился сбивчивым и тревожным. Рану в боку осмотрели. Бухгалтерский журнал принял основной удар на себя и пропитался кровью. Пока Ниоба перевязывала подругу, Зар старался очистить журнал. Глядя на Лису, он едва верил, что ей хватило храбрости на подобную авантюру. Если бы нечто подобное произошло с Ниобой, никто и бровью бы не повел. Лису обычно оставляли на стреме, она врала в глаза преподавателям, отмазывая друзей, и выступала отвлекающим маневром, но никак не главным действующим лицом.

– Нужно возвращаться к твоим, – решительно произнес Зар. – Они там с ума сходят от беспокойства.

В душе он опасался, что Лиса откажется и пожелает найти бухгалтера. К счастью, этого не произошло. Подруга согласилась, признавшись, что после нападения побаивается выходить на улицу.

Оставив подруг, Зар сходил на вокзал и купил билеты. Девушки к этому моменту обменялись куртками и головными уборами. Из-за заплывшего красно-фиолетового лица и мешковатой одежды определить в Лисе девушку – не самая простая задача. Зато Ниоба, с ее тонким лицом и мягкими чертами, провалилась по всем статьям, хотя и пыталась сойти за парня нелепой походкой. Друзья ее обсмеяли, а она продолжала паясничать, широко расставив руки, и покачивалась из стороны в сторону, имитируя широкую спину.

Глава 7. Лисара Кайт

Дорога домой показалась Лисаре не менее утомительной, чем путь до Квача. С появлением друзей тело расслабилось, отдаваясь во власть боли и усталости. Первое время она всматривалась в лица окружающих, все в вагоне казались ей подозрительными и излишне любопытными, пока усталость не взяла свое.

– Приехали.

Чувствуя поглаживание по плечу, Лисара с трудом разлепила веки. Вокзал в Астре, пыльный, суетный, пронесся в полусне. Зар договорился с кем-то из деревенских, и на телеге их доставили в Яблоневый Яр, а там до дома рукой подать.

Поздним вечером Лисара прошла мимо маминого сада, погладила рыжего пса и с удивлением обнаружила, что дверь закрыта. Зар постучался в окно. Ниоба, присев на ступеньки, мяла пса, который, вывалив язык от удовольствия, забыл об обязанностях.

За шторами мелькнул силуэт сестры, но, прежде чем Лисара успела окрикнуть ее, та исчезла. Хмурая, сутулая фигура, едва различимая за зашторенными окнами веранды, приблизилась к двери и неприветливо поинтересовалась:

– Кто?

– Это я, – вышло не слишком убедительно, горло еще побаливало, на шее багровели синяки, голос, и без того не слишком певучий, стал хриплым,

срывающимся.

Хмурое лицо мелькнуло за стеклом. Дверь открылась, и Радим замер в нерешительности.

– Ох, кто это тебя так? – разглядывая синяк в половину лица, спросил брат.

– Дома расскажу. Я умираю от голода.

Она ожидала, что дома толпится народ. После пожара Дарий с семьей должны были занять гостевые спальни, но, едва ступив в коридор, Лисара оказалась неприятно поражена тишиной. Неестественная, оттого режущая слух тишина заставила ее замереть на пороге. Из кухни выглянула Миранда в черном строгом платье. Неприятный холодок пробежал по спине.

Гостей проводили на кухню, угостили чаем и выпечкой. Набросив фартук, Миранда суетилась у печи, разогревая суп. Отставив ружье, с которым выходил встречать незваных гостей, Радим тяжело опустился на табурет у стола.

Если бы не ободряющий жест Ниобы, что сжала ее руку под столом, Лисара едва ли решилась бы заговорить первой. Медленно, обстоятельно она пересказала произошедшее в последние дни. Радим слушал, глядя на сестру из-под бровей. Суета Миранды приобрела какой-то нервный оттенок, словно она боялась остаться без дела.

– Зачем ты поехала на пожар, когда я велел бежать к соседям, будить народ? – поинтересовался Радим, скрестив руки на груди.

– Если честно, я тебя не расслышала, – призналась Лисара. – Подумала, что на пожаре может понадобиться врач, и поспешила туда.

– Но ведь ты не врач, – заметила Миранда. – Разве работники лаборатории теперь считаются врачами?

Сестра, конечно, не хотела никого обидеть, многим родственникам работа Лисары представлялась как сидение перед микроскопом, чтобы избежать пересудов. Все же слова больно ранили. Сцепив зубы так, что заболела челюсть,

Лисара смогла расслабиться, только когда друзья оттянули внимание на себя. Ниоба погладила ее по руке, а Зар принялся рассуждать, что все магистры в обязательном порядке умеют оказывать первую помощь.

– Когда после взрыва мы наконец добрались до дома, – начал Радим, но Лисара его перебила:

– Вы выяснили, что взорвалось?

– Нет, – мрачно отозвался он. – Когда мы подоспели, пришлось тушить уже лес, потому что взрыв разметал горящие бревна на десятки метров.

– А что Дарий? – с замиранием сердца спросила она.

Радим и Миранда переглянулись, замялись и замолчали. Мира принялась с остервенением тереть тарелку, пока внезапно не бросила ее и не выбежала из комнаты. Сердце пропустило удар. В груди похолодело. Радим, избегая взгляда, тяжело вздохнул.

– Мы никого не нашли на пепелище.

– В смысле? – переспросил Зар.

– А подвал? – перебила его Лисара. – Они должны были спрятаться в подвале?!

Радим развел руками. В звенящей тишине Ниоба поднялась и, покопавшись в своей сумке, достала мешочки. Часть сознания, не скованная шоком, различила шуршание и запахи незнакомых трав. По кухне распространился аромат травяного чая.

– Скорее всего, шкаф или одна из балок упала на люк, и они не успели до него добраться, – глухим от горя голосом негромко добавил Радим.

– Стой, нет, ерунда какая-то, – Лисара порывалась подняться на ноги, но поставленная перед ней кружка чая вынудила хотя бы из вежливости сесть обратно. – Я могу осмотреть тела?

– Ничего не осталось.

– Даже костей?

– Ничего.

«При какой температуре разрушаются кости?» – судорожно попыталась вспомнить Лисара, но вместо этого вспомнила название и расположение на полке справочника, где это можно узнать.

– Пей, – Ниоба придвинула кружку.

Чай оказался непривычно терпким и даже горьким. Гадость.

– Взрыв в конце, – медленно проговорил Зар. – Если это не просто детонация, а Вспышка, устроенная магистром, то она вполне могла бы распылить кости. Нужно осмотреть место взрыва.

«При Вспышке магистр погибает», – пронеслось в голове.

– Хорошо, поехали посмотрим, – резко поднявшись, Лисара почувствовала, как подгибаются колени, упала в заботливо подставленные руки подруги.

– Сон, тебе нужен сон, – строго произнесла она.

Лисара погрозила ей пальцем в невысказанной претензии и погрузилась в забытье.

Утром пришлось продираться через желание поспать еще и слабость в теле. Каждое движение сопровождалось болью. Когда уже пройдет синяк на спине?

В комнату заглядывало солнце. Пробивалось через расшитую бутонами сирени тюль, наполняя цветы светом, делая похожими на настоящие. Лежа на мягких подушках, Лисара ощущала отзвук цветочного запаха. В Кун-квешу часто прокладывают белье и одежду крохотными бледно-фиолетовыми цветами.

Отгоняют духов и насекомых. Такие мелочи – эхо маминой культуры.

Рядом с кроватью, на полу, растянулась Ниоба. Черная коса растрепалась, выгоревшие до рыжины части составляли забавный контраст. Подушку она обнимала, а под голову подложила руку и край одеяла, забросив ногу на сумку. Как она уживалась с другими девушками в палатке при ее привычке захватывать все свободное пространство во сне?

Поднявшись, Лисара покопалась в комоде и, сомневаясь, что самостоятельно управится с платьем, завернулась в халат. В доме пахло едой. В фартуке с рюшами Зар нес сковородку с яичницей из летней кухни.

– Миленький фартук, – улыбнулась она. – Радим уже проснулся?

– Проснулся, управился со скотиной и уехал на конезавод.

– Ого.

Вернувшись на кухню, Лисара налила чай.

– Признаться честно, не ожидала от него такой прыти.

– Каждый переживает горе по-своему, – усаживаясь за стол, пожал плечами Зар. – Я пообщался с местными, и пока никто не заметил никаких признаков проклятия на месте пожара.

– Его там и не будет, – заявила она чуть агрессивнее, чем хотелось. – Папа всегда все планирует наперед. Он увел маму и Дария в какое-нибудь безопасное место, чтобы те, кто нанял наемников, думали, что справились.

Ему явно было что возразить, но, кивнув, он лишь спросил:

– Где у вас тут соль?

– В деревянном бочонке с надписью «мед».

– Ну да, логично.

Закусывая луком, Зар съел половину яичницы, Лисара без аппетита поковыряла остатки. Приятное чувство – когда можно молчать и не чувствовать себя неловко.

– Я боялась, что, когда вы с Ниобой встретитесь, на том месте ничего, кроме огромного кратера, не останется.

Он улыбнулся, макая хлебный мякиш в желток.

– Вы поговорили?

– Нет. Делаем вид, что ничего не произошло.

В этот раз Лисаре было что сказать по этому поводу, но она не стала. Слишком спокойно, уютно и тепло на залитой солнцем кухне, чтобы разрушать это нотациями.

– Часам к десяти предлагаю выехать, – предложил Зар. – Нужно проверить дом Дария и поискать подвал на старом пепелище.

– Хорошо.

– Ты же понимаешь, что, если мы не разбудим Ниобу, она до Карестового пришествия проспит?

– Ничего я не просплю, – пробурчала Ниоба, заходя на кухню.

Помятая и заспанная, она сладко потянулась и плюхнулась на софу. Наблюдая за другом краем глаза, Лисара спрятала улыбку за кружкой чая. Замечает ли он, что улыбается, глядя на нее?

– Яичницу будешь? – отдавая ей свою половину, поинтересовалась Лисара.

Осмотр пепелища не занял много времени. Все, что осталось от дома, – каменная коробка подвала, на две трети вкопанная в землю. Вокруг валялись обугленные балки и срубленные во избежание пожара деревья. Под ногами скрипели стекло и битая посуда.

– Отзвуков зарождающегося проклятья я не ощущаю, – поделился Зар, прохаживаясь по дорожке, что когда-то вела к дому, – хотя и чувствую: здесь полегло немало людей.

В силу профессии Лисара тоже ощущала эхо смерти. Несмотря на пригревающее солнце, девушку знобило.

– Уверен, что это не признаки проклятья?

– Нет. Простое эхо, со временем развеется.

– Я ничего не чувствую, – прохаживающаяся по коробке подвала Ниоба скрестила руки на груди.

– И хорошо, не представляю, что бы делали археологи на местах древних побоищ, – не глядя на нее, отозвался Зар.

Заглянули в подвал. Оттуда уже вынесли все запасы, оставалось надеяться, что это сделал Радим, а не соседи. Обшарив углы, Лисара попыталась найти тайный проход или лаз, что подтвердил бы ее теорию, но увы.

Не теряя времени, оседлали квергов, торопясь на стоянку наемников. Нес ее сегодня Шаман, старый спокойный зверь, который не любит быстрые скачки и не понесет внезапно всадницу, даже если испугается. Все же каждый шаг отзывался болью в измученном теле. С перевозкой лучше справился бы Гром, папа лично объезжал его и учил плавно нести всадника, на нем часто перевозили детей. К сожалению, после той ночи кверг так и не вернулся домой, продолжая бродить где-то в лесах. Стоит попытаться поискать его, пока Гром не поживился в чужом саду курами или нерасторопными собаками.

Лес, не зная о трагедии людей, жил своей жизнью. Пригретые солнцем птицы носились над головой, пели брачные песни, привлекая внимание. Выпорхнувшая из кустов бабочка заставила Ниобу подпрыгнуть от восторга. Зар в это время всматривался в небо, выискивая податливую для воздействия пичугу.

Почему-то казалось, что брошенная деревня должна встретить их тишиной и туманом, но полуденное солнце и птицы разрушили жуткий образ. Осторожно протискиваясь меж домов по протоптанным незваными гостями тропам, Лисара с опаской заглянула в овраг. Тела убрали, неприятное ощущение сохранилось.

– Не сожги они тела, тут могло бы сформироваться проклятье, – поделился Зар, осматривая сырое дно оврага. Ручей затерялся, еще не успев промыть себе новое русло.

Ниоба с любопытством осматривала каждый дом. Отринув жуткие события, она с искренним восторгом рассматривала остатки деревянного зодчества.

Нужный дом нашли быстро. Зар расчистил место перед окном от крапивы и окрикнул пленника. В ответ никто не отозвался.

– Может, его успели перевести? – спросила Ниоба, наклоняясь к окошку. Запах ее ничуть не смущал. Эксперименты с Талантом привели к полной потере обоняния.

Отыскать люк оказалось непросто. Пол засыпало обвалившейся кровлей, придавило балками перекрытий. В какой-то момент Лисара начала сомневаться: не показалось ли ей? Быть может, она так хотела, чтобы хоть кто-то спасся, что рассудок выдумал звон цепей.

– Разойдитесь! – скомандовал Зар.

Ветер в ветвях деревьев затих, чтобы волной сжатого воздуха ударить по пепелищу, вздымая тучи пепла и пыли.

– Я подумал: странно, что оно не заросло, – ожидая, когда осядет пепел, сказал Зар. – Скорее всего, здесь был магистр, который помог замаскировать место преступления.

Его словам быстро нашлось подтверждение в виде нескольких балок, поставленных на люк. Зар тут же попытался их сдвинуть, Ниоба бросилась помогать. Он попытался ее оттеснить, она возмутилась, и, прежде чем случился скандал, Лисара кинула им конец веревки.

– Привязывайте.

Кверги растащили толстенные балки играючи, едва не повалив ими одну из стен.

– Ну-с, вскрываем, – произнес Зар и дернул кольцо на крышке люка.

Глава 8. Лисара Кайт

Из черноты открытого люка вырвался столь сильный запах, что Лисара и Зар были вынуждены отскочить в стороны, чтобы справиться с рвотными позывами. Ниоба сунулась в темноту первой, и никто не успел ее остановить. К тому моменту, как запах чуть выветрился и остальные смогли хотя бы приблизиться к подвалу, девушка отыскала керосиновую лампу.

Слабый свет горелки высветил осклизлые стены, заваленный мусором земляной пол и кучу тряпья в углу. В том же углу Лисара обнаружила знакомый мешок, что теперь был пуст, а пустые бутылки, разбитые, валялись в стороне. Коснувшись руки подруги, Лисара остановила ее, позволяя Зару пройти вперед. На мгновение в глазах Ниобы вспыхнуло недовольство, но здравый смысл победил.

Осторожно приблизившись, Зар коснулся тряпья.

– Не знаю, хорошие это новости или плохие, но у меня их как минимум две, – сказал он. – Первая: это не мистер Кайт. Вторая: он, кажется…

Что именно ему кажется, девушки не узнали. Вонючее тряпье вскинулось и бросилось на Зара. Блеснул обломок ножа, но борьба закончилась раньше, чем кто-нибудь из девушек успел испуганно вскрикнуть. Перехватив руку с ножом,

Зар вывернул ее и вмиг прижал противника к полу. Тот тяжело дышал. В глазах отражались отблески дневного света. Лицо перекосило, превратив в чудовищную маску.

– Стой. Зар, отпусти его, – подступив ближе, Лисара опустилась на одно колено, демонстрируя пустые руки. – Мы пришли помочь вам. Это я забросила мешок пару дней назад.

Щуря свои жуткие глаза, пленник медленно разжал пальцы. Нож вывалился, и Зар так же медленно его отпустил.

– Вас послал Александр? – всматриваясь в их лица, спросил незнакомец.

– Папа? Нет. Он пропал.

Каждое движение давалось ему через боль. Сев, он привалился к стене. Стоило поднять руку, как цепь, зазвенев, натянулась, не позволяя дотянуться до лица.

Стараясь изо всех сил не пялиться на него, Лисара все же не могла сдержать любопытства. О лэртах она много слышала, еще больше читала, но никогда до этого не встречала во плоти.

После Восстания Рабов и гибели Красного материка лэрты, опасаясь истребления, переселились в подземные города. Во времена господства лэртского Империума именно так и заканчивались войны – полным истреблением противников. Группы археологов до сих пор находят братские могилы, останки в которых не подходят ни под одно описание. Сколько разнообразных рас и культур ушло в пустоту.

Несколько столетий лэрты не показывались на глаза, пока, после серии междоусобных асовских войн, они не вернулись в свои города. Лэрты заняли четыре крупнейших города, заявив свои права на окрестные земли. Асы в то время уже десятилетие находились в объятиях серой хвори, если и хотели возразить, то не смогли.

То, что произошло с лэртами, до сих пор вызывает головную боль ученых. Люди, доминировавшие на трех материках, сносившие экстремальный холод

Карестовых земель и жару Скаррских пустынь, вдруг стали болезненно чувствительны к солнцу.

Они забросили города в Северной гряде (один из таких заняли асы, выстроив город Астра) – слишком холодно. Не торопятся переселяться в Скарру (те дворцы – одно из чудес света, но добраться до них по пустыне отважится не всякий бедуин) – слишком жарко. Заняв города в умеренной климатической полосе, лэрты принялись налаживать торговые и политические связи. Позже Империя попыталась подчинить соседей, но лишь потеряла земли, когда лэрты атаковали с четырех флангов.

Глядя на узника, Лисара изо всех сил старалась не выглядеть темной девкой, впервые увидевшей поезд или электрическую лампочку. Белая кожа лэрта растрескалась в местах сгибов, а кое-где висела лохмотьями. В черной склере глаз плавал золотой, с зелеными искрами зрачок. Прямые, медового цвета волосы выгорели на солнце до немыслимого белого оттенка.

– Я вам не враг, – насколько позволяли цепи, приподнял он руки. – Меня послали предупредить Александра, что по его душу скоро явятся.

– Кто послал? – тут же переспросил Зар.

– Я не могу этого сказать.

– Сообщение вы не передали? – спросила Ниоба, Лисара невольно вздрогнула, не услышав ее приближения.

– Нет. Меня перехватил Заклейменный, а против него, сами понимаете, бороться трудно.

Переглянувшись, они пожали плечами. Ни о каких Заклейменных даже Зар не слышал, несмотря на широкий круг общения. Душу грыз червячок сомнений, и все же она кивнула другу. Тот, прежде чем заняться кандалами, достал из-за пояса пистолет. Лисара безмолвно ахнула, и, пока она пялилась на оружие, Ниоба протянула руку, с деланным безразличием проверила заряд и положила палец на предохранитель.

– Я хорошо стреляю, – без тени сомнений соврала она.

– А я лечу, – добавила Лисара. – Поэтому не делайте глупостей, пока я хожу за аптечкой.

– Я бы никогда не навредил дочери Александра, – голос его прозвучал так, словно своими действиями молодые люди нанесли ему личное оскорбление. – У вас его лицо.

Все кому не лень твердили это с самого детства, хотя ни большого носа, ни выразительного изгиба губ Лисара не унаследовала. Даже синие отцовские глаза в ее исполнении казались серо-голубыми. Потому, не слишком впечатленная, она пожала плечами и вылезла наружу за аптечкой.

Кверги, скучая, бодали одну из завалившихся халуп, вросшая стена уступала молодецкой удали и кренилась к земле. Веревку, на которую они были привязаны в тени леса, кверги беззастенчиво перегрызли. Лисара поздно осознала, что схватила обычную веревку, а не обработанную кисло-горьким настоем.

Аптечку, в том или ином виде, Лисара носила с собой всегда и везде. Привычка еще со времен учебы. В подвале мало что изменилось, разве что лэрт дул на стертые в кровь запястья. Едва поняв, что стекает по бледным пальцам, Ниоба высочила вон, сунув пистолет в руки Лисары. Вернув оружие Зару, она предложила пересесть поближе к выходу.

Избегая прямых солнечных лучей, лэрт сел у выхода и позволил осмотреть раны. Кто бы ни запер его здесь, перед этим пленника избили, так что несколько дней он провел в забытьи. В Академии изучали строение не только асов, но и иных рас. Вот только Лисара не думала, что это когда-либо пригодится.

Кандалы до мяса стерли кожу, воспаление не заставило себя ждать, все опухло, почернело и дурно пахло. Темно-коричневая кровь и мясо, а также недостаток света слегка усложняли постановку диагноза. В глаза бросилась черная полоска на внутренней стороне предплечья, широкая и раскрошившаяся. Лисара в первый момент приняла ее за рану, но лэрт развернул руку, пряча странное пятно и подставляя ей израненные запястья. Пока она занималась обработкой ран, Зар мерил шагами крохотный подвал, ни темнота, ни запах ему не мешали.

– Нам нужны доказательства, – произнес он, остановившись.

– Понимаю, было бы безрассудно верить на слово кому-то в замурованном подвале, – мягко кивнул лэрт. – Мое имя Вилинарий Эльбирин. Вы, я полагаю, либо Миранда, либо Лисара Кайт.

На мгновение представив Миру на своем месте, Лисара улыбнулась.

– Судя по рассказам, вероятнее всего, Лисара. Академия, курс хирургии и группа безбашенных друзей.

– Зароиэл Эрис, – указала она за спину. – А наверху борется с тошнотой Ниоба Верес.

– Очень приятно, – мягко наклонил он голову.

Интонации, тембр голоса, движение – все это выдавало в нем человека иного склада. Пытаясь подобрать аналогию, она вспомнила одного из профессоров, выходца из имперской знати. Степенный, благородный, старый рыцарь. Лисара любила его за увлеченность, с какой он рассказывал о своем предмете, и твердое следование личному кодексу чести. Как-то он нашел их заблудившимися в катакомбах и вместо того, чтобы рассказать обо всем преподавателям, провел безопасным путем мимо патрулей милиции назад в Академию.

Возможно, она выдавала желаемое за действительное.

– На случай экстренных ситуаций Александр оставил мне кое-какие инструкции. В доме есть тайник с посланиями, – маячивший за спиной девушки Зар недоверчиво хмыкнул. – Но без меня его не открыть.

– Какая интересная конструкция, – заходя под свет, бьющий из люка, произнес Зар.

Эльбирин, провожавший его взглядом, сощурился и отвел взгляд.

– Днем мы все равно никуда не поедем, – в подвал заглянула Ниоба. – Так что давайте перекусим, а заодно послушаем интересную историю.

Для лэрта достали дождевик. В одном из более-менее сохранившихся домов устроили временный лагерь. Было не по себе от мысли, что не так давно тут сидели люди, пришедшие за папой. Обшаривая пространство взглядом, Лисара тут и там натыкалась на неприличные надписи, вырезанные на стенах, и прочие следы чужой жизнедеятельности.

Пока Ниоба деловито сервировала одеяло на полу, Зар отправился обойти окрестный лес. Таким напряженным и сосредоточенным его даже на экзаменах никто никогда не видел, оттого становилось не по себе.

– У меня есть чай, если нужно обезболить, – буднично произнесла Ниоба, как только Зар скрылся в лесу.

– Премного благодарен, – медленно произнес Эльбирин.

С тем же легким поклоном взял чашку обеими руками и, как показалось Лисаре, некоторое время принюхивался. Бросив взгляд на подругу, она подумала, что та тоже немало изменилась. От Ниобы пахло травами, она стала несколько отстраненной и с момента их встречи ни разу не вступила в спор. В обычной ситуации Лисара шутливо поинтересовалась бы, а не заболела ли подруга. Но после правды, вскрывшейся на выпускном, все разом позабыли подобные шутки.

Еды Лисара заготовила много, не желая появляться дома до самого вечера. Гнетущая атмосфера пустых комнат гнала ее прочь. Бледная, словно призрак, Миранда, хмурый и неразговорчивый Радим – все это казалось противоестественным, дом детства вмиг стал чужим и холодным.

– Дайте подумать, – отпив чай, начал лэрт, – мы познакомились с Александром лет восемьдесят, нет, девяносто назад.

Ниоба подавилась чаем. Принять долгожительство лэртов несложно. Они выглядят как страшный сон, а ночной образ жизни способствует появлению различных слухов и домыслов. Некоторые особо впечатлительные утверждают,

что лэрты воруют девственных девиц и юношей, пьют или купаются в их крови и тем самым продлевают свою жизнь. «Не при их слабом иммунитете», – отвечают им в Академии.

Принять, что кто-то из асов способен прожить чуть больше сотни лет и при этом выглядеть на сорок, непросто. Можно оправдать это Талантом, но опыт прошлых лет показывает, что частое использование сил, напротив, сокращает срок жизни магистра. Эту загадку даже Академия разгадать не смогла. Хотя ближе всех к ней подобралась ректор, что уже пару десятилетий отказывается стареть.

– Где-то на границе между Кун-Квешу и Мандагаром. Да, точно. Не успел добраться до Карагроса. Меня обвинили в шпионаже и, чтобы разговорить, заперли в клетке на солнцепеке, – слушатели поежились. – Ваш отец меня вытащил.

– Почему? – тут же спросил Зар, чистя яйцо. – С чего ему помогать незнакомцу в чужой стране, да еще и после обвинений в шпионаже. Одно дело – увести подозреваемого у милиции, другое – у внутренней разведки.

«Чем ты, демоны тебя подери, занимался в Кваче?» – мысленно удивилась Лисара, и, судя по выражению лица Ниобы, не она одна.

– Потому что ему срочно нужно было покинуть Восток, а на дорогах и перевалах его уже ждали. Пришлось вести его окольными путями, и с тех пор мы часто пересекались, пока не подружились.

В не самые благополучные для асов времена лэрты воспринимали своих соседей как животных – разумных, обучаемых, но мало живущих. Что такое шестьдесят лет против четырехсот? Потому дружба между видами заранее порицается. Хуже только любовь – это и вовсе выведено в разряд извращений.

Домой они вернулись среди ночи и были встречены Радимом с ружьем наперевес. Самое удивительно, брат узнал лэрта и в порыве бросился обнимать его. Опомнившись, остановился на полпути, протянул руку, но и тут его порыв остался без ответа. Дело не в дурных манерах гостя, а в чувствительности кожи. Среди студентов одно время ходила пошлая шутка о том, как размножаются лэрты, если терпеть не могут прикосновений.

Тот факт, что Радим знаком с Эльбирином, внушал определенные надежды. Привлеченная шумом Миранда некоторое время подглядывала за ними из-за двери, пока брат ее не позвал и не представил.

В то же время расслабленная поза Зара перестала быть наигранной, он убрал руку от кобуры, заткнув большие пальцы за пояс. Ниоба отлучилась, заварила себе крепкий чай и теперь цедила его крохотными глоточками. Смотреть на нее и не испытывать тревогу было невозможно. К сожалению, подруга не спешила показывать, какие именно травы заваривает, а Лисара недостаточно хорошо знала ботанику, чтобы определить вид по запаху.

В кабинете отца ничего не изменилось. Войти сюда после всего произошедшего казалось неправильным, и Лисара невольно помедлила на пороге.

Здесь сохранился его запах. Книги за темным стеклом ждали его на полках. Стол, в педантичном порядке разложенные письменные принадлежности. На краю лежит книга, меж страниц зажато черно-синее перо. Зеленое сукно кресла порядком вытерлось, на спинку наброшен плед. Лисара помнила, как помогала маме вязать его.

Ком встал в горле, она почувствовала, как слезы подступают к глазам. Делая медленные, глубокие вдохи, часто заморгала, попыталась справиться с эмоциями.

Тайником оказалась шкатулка, спрятанная за шкафом в причудливом сейфе без ручки и замочной скважины. Предчувствуя вопросы, Эльбирин пояснил, что по просьбе их отца заказал этот сейф и шкатулку, потому и знает о них.

– Как интересно. Мы должны были узнать о нем? – поинтересовался Радим.

– У вашей семьи ведь есть поверенный? Он бы и рассказал, – доставая шкатулку, отозвался лэрт.

– Да, Дарий, – недовольно хмыкнул брат.

Пересилив себя, Лисара приблизилась к столу, за которым Эльбирин возился со шкатулкой. Внешне обычная коробка, а внутри пазл, запирающий ее. Щелчок,

коробка раскрылась, явив миру письма. Лисара вмиг узнала мелкий колючий почерк отца.

– Полагаю, дальше сами, – отодвинул от себя шкатулку лэрт.

– Пойдемте попьем чаю, – устало вздохнула Ниоба, прижимая пальцы к виску. – А потом спать.

«Ниоба, спешащая лечь спать? Это что-то новенькое. Обычно она сидит до утра, а постом спит до обеда», – подумала Лисара, разбирая письма.

Папа написал каждому из детей, приложив сюда завещание с последней волей. Были тут и общие указания, которые Лисара зачитала вслух. В основном они касались ведения хозяйства, дома и конезавода, а также содержали странный пункт, который можно сократить до: не ищите меня. В случае пропажи при невыясненных обстоятельствах папа запрещал его поиски. Спустя положенный срок его следовало признать мертвым, но поделить наследство он велит раньше, сразу после пропажи.

От последнего стало не по себе. Отдав письма Радиму и Мире, Лисара осталась в кабинете читать свое. Завалившись в мягкое кресло, укрылась пледом и раскрыла конверт.

«Лохмашка, – Лисара улыбнулась, – при каких бы обстоятельствах к тебе ни попало это письмо, знай: все в порядке. Какие бы события ни предшествовали получению этого сообщения, я прошу тебя: не печалься. Все идет своим чередом, как и было задумано.

Первое, что я хочу, так это попросить прощения. После всех тех сил, что ты потратила на получение диплома, именно из-за меня тебе не позволили стать хирургом. Зная, как много это для тебя значит, мое сердце обливается кровью всякий раз, когда я думаю, что этого можно было бы избежать, прояви я сговорчивость. Магистрат не первый раз пытается давить на меня через моих детей, но прости, я не могу согласиться с их условиями. Не знаю, простишь ли ты меня когда-нибудь за это. Надеюсь, что простишь.

Второе. Тебе не нужно оставаться в этой глуши. Живи полной жизнью. Если пожелаешь покинуть Кондому, знай: я поддержу это решение. В теории Магистрат казался хорошей задумкой, пока дело не дошло до практики, что извратила его до неузнаваемости. Если тебе не нравятся работа или условия, в которые тебя пытаются загнать, бросай все не глядя. Верь сердцу, а не кучке мелочных толстосумов, которым твой характер может показаться неудобным.

Третье. Ты самая талантливая и целеустремленная из моих детей. Я всегда буду гордиться тобой. Живи полной жизнью и знай: мы с мамой любим тебя.

Александр Кайт»

Глава 9. Вилинарий Эльбирин

Ночью становилось легче. Прохлада прокрадывается в комнату через открытое окно. Звуки дома затихают.

Легкие, порхающие шажочки старшей дочери. Большую часть дня она проводила на кухне, гремя посудой и что-то негромко напевая. Порой запиралась в комнате. Перо противно скрипело, нещадно терзая острый лэртский слух. После чего она уносилась прочь из дома, словно весенний ветерок.

Шаркающие шаги старшего, того, кто теперь будет зваться «мистер Кайт». Он просыпался утром, медленно, со стоном поднимался. Долго собирался, чтобы почти на весь день исчезнуть из дома, а вернувшись, продолжить шаркать. Ужасно раздражает.

Самая младшая из детей Александра просыпалась быстро. Подскакивала, как на пружине, и минут через десять ее уже не было дома. Прихватив с собой цыгана, она отправлялась на поиски сбежавшего кверга. Безрезультатные.

Еще одна странная мандагарка, не похожая на мандагарку, оставалась в доме.

Мандагарское Царство огромно, сотни народов входят в его состав: от невысоких черноволосых кочевников Великой степи до золотоволосых квешцев, что не успели в свое время сбежать в Кун-квешу. Мисс Верес несла в себе черты самого многочисленного мандагарского народа – дагарцев: темные волосы, смуглая кожа южанки, этот оттенок ни с чем не спутать. В то же время обладала мягкими чертами лица, округлым подбородком, и носом она походила на квешцев. И все бы хорошо, дети от смешанных браков – обычная история для Мандагара, если бы не глаза. Яркие, зеленые, как неспелые яблоки или весенняя трава. У асов таких не бывает.

Днем она, опившись трав, спала или скулила от боли. Зато ночью на место замученной болезнью девчонки приходил кое-кто поинтереснее.

Выбравшись через окно, Вилинарий вдохнул прохладный воздух. Услышал рядом такой же свободный вздох.

– Бодрит, не правда ли? – тонкие губы растянулись в улыбке, не обнажая зубов.

– Свежий воздух и прохлада – лучшее обезболивающее, – отозвался он.

В первую ночь она заметила отблеск на крыше сарая в ста пятидесяти метрах от дома. Вилинарий прокрался туда и обнаружил наблюдательный пункт. Наблюдателя не нашел, но находка тревожная.

Во вторую ночь пришлось помедлить. Открылось другое окно. Кто-то долго выбирался наружу, спустив заранее стул. Как только старшая из сестер пересекла огород, мандагарка, словно дым, выскользнула на улицу. Вилинарий вылез следом.

– За два года нравы как-то существенно поменялись? – вскинула она смоляную бровь, наблюдая за канареечно-желтым плащом, мелькавшим среди деревьев.

– У меня не спрашивайте. Ваши асовские порядки всегда казались мне странными.

Просияв улыбкой, она лаской скользнула между грядок следом за канареечно-желтой накидкой. Из любопытства Вилинарий последовал за ней.

– Ничего, что вы следите за сестрой своей подруги?

Вместо того чтобы смутиться, она усмехнулась:

– Ночью головная боль отступает, и хочется немного побыть живой.

– А что прославленные магистры Академии? Не в силах совладать с мигренью?

Они прошли через сад, пересекли улицу и скрылись в березовой роще. Миранда даже не пыталась таиться, шла целенаправленно по центру улицы.

– С мигренью они отлично справляются, но не с наследственностью.

– Хм?

Наследственность для лэртов – больная тема. Вероятно, увидев отклик, мандагарка продолжила:

– У бабушки такое было, у мамы, теперь и у меня, – тенью переместившись за дом и скрывшись за коробками, она осмотрелась. – Кто-то наследует фамильные драгоценности, а я шишку под черепом.

– А я представитель расы, не способной выйти на солнце.

– Вы победили, – с озорным огоньком в глазах отозвалась она.

Сделав небольшой круг, они добрались до домика на окраине, куда так торопилась старшая из сестер. Навстречу вышел высокий мужчина, спеша заключить девушку в объятия.

Потеряв интерес, мандагарка уже развернулась, чтобы пойти домой. Вилинарий, напротив, навострил уши. Ветер донес до него знакомый голос. Обойдя дом, стараясь не перебудить всех окрестных собак, он подобрался к окну.

– Я обшарила кабинет, но ничего не нашла, – извиняющимся тоном говорила девушка. – Даже тайник, что открыл тот жуткий тип, обыскала, но там только

завещание и распоряжение, как поступить с деньгами и собственностью.

Ответа Вилинарий не расслышал, но знакомого голоса было достаточно, чтобы отослать мисс Верес назад в дом Кайтов. Та, разумеется, уходить не желала, но долго упорствовать не стала. Проследив, чтобы она не вернулась, и, отсидевшись за ближайшим кустом, Вилинарий вернулся к дому.

Пришлось подождать. Потом еще немного. И еще. Когда Вилинарий начал было раздражаться, старшая из сестер Кайт выпорхнула из дома. Виновник ее приподнятого настроения вышел следом проводить.

Мисс Кайт щебетала о чем-то, повисая на руке ухажера, не забывая прижимать к груди знакомую коробку. Плоская картонная коробка, обтянутая темным бархатом и перевязанная фиолетовой лентой. Кто-то делает хорошие деньги на личной жизни Змея.

Дождавшись, когда девушка удалится, Вилинарий вышел из тени.

– И какого демона ты здесь делаешь?

Обернувшись, тот рассеянно взлохматил волосы.

– Так ты все же добрался? – удивленно отозвался Змей.

Запахивая рубашку, он вернулся к дому и, опустившись на скамейку, расслабленно вытянул ноги. Видеть его без костюма, лохматого, только что из постели, где он вдоволь порезвился с какой-то девкой, как-то странно и даже неприлично.

– Не твоими стараниями, – скрестив руки на груди, Вилинарий не спешил приближаться, жалея, что не удалось вернуть снаряжение. – Ты знаешь, что произошло с Черным Волком?

Змей не ответил. Похлопав себя по карманам, нашел портсигар и закурил. Вся эта расслабленность и леность была напускной. Вилинарий достаточно прожил среди асов, чтобы научиться подмечать мелочи. Морщины на смуглом лице заострились, появилась складка меж бровей.

– У меня тот же вопрос, – выдыхая дым, снизошел он до ответа. – Я еще неделю назад рассказал тебе о готовящемся нападении на Волка, – черные глаза опасно сощурились. – Любой мой шаг будет рассмотрен серыми как попытка саботажа, потому я и передал информацию тебе, но ты, похоже, предпочел позабыть о ней.

Вилинарий стиснул челюсть, чтобы не броситься с обвинениями в ответ.

– Твой маршрут привел меня в засаду, – глухо отозвался он, пошарив взглядом по двору, подкатил ногой чурку и сел напротив. – Если боишься преследования, зачем приехал?

– Я говорил с Волком, пытался убедить бежать, – недовольно поджал губы Змей, глядя, как пепел осыпается в траву. – Но ты же его знаешь.

Помолчали.

– Где они тебя ждали? – спросил Змей.

– У пасеки.

Тот нахмурился. Пасека много лет служила безопасным перевалочным пунктом для тайной сети Волка. Обсуждая план, они не упоминали ее, но подразумевали, что именно там Вилинарий переждет день.

– Теперь, когда уже поздно, расскажешь, ради чего я провел почти неделю в затхлом подвале?

Забытая сигарета продолжала тлеть, Змей хмуро уставился куда-то в траву.

– Кто-то пустил слух, будто бы Волк знает, как убить Безликого.

Пораженный этой новостью Вилинарий замер.

– Это правда?

– Демон его знает, – недовольно отозвался Змей, щелчком пальцев отправляя истлевшую сигарету в траву.

– Думаешь, серые его убили?

Пожав плечами, Змей поморщился.

– Надеюсь, что нет. Иначе мы все по уши в дерьме и продолжаем тонуть, – раскрыв портсигар, некоторое время рассматривал содержимое. – Живым он им не больно-то и нужен.

Вилинарий придерживался точки зрения младшей из дочерей: Александр жив. Нельзя выбраться из стольких передряг и так глупо погибнуть, погубив половину семьи. В худшем случае их взяли в плен.

– Я завтра возвращаюсь в столицу. Нужно узнать, что известно по этому поводу Магистрату, – с громким хлопком закрыв портсигар, Змей поднялся на ноги. – К слову, тебе стоило бы затаиться где-нибудь подальше от Кондомы. Они выкрали внучку Волка и, если не найдут альтернативы, могут вспомнить о тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vavilova_kseniya/zolotaya-lisica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити